

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Золотой диадемой,
когда-то принадлежавшей
шотландским королям,
завладела российская
мошенница-
авантюристка...

Ольга БАСКОВА

**Диадема
Марии
Тарновской**

Ольга Баскова
Диадема Марии Тарновской
Серия «Артефакт & Детектив»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67137098
Диадема Марии Тарновской. Роман: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-164871-8*

Аннотация

Ее называли роковой женщиной, настоящей «фам фаталь» – у ног красавицы были все мужчины. Покоренные кавалеры соглашались на все за один обольстительный взгляд Марии Тарновской. Своих поклонников она безжалостно – ведь ее интересовали только их деньги... Максиму пришлось жениться на своей некрасивой и нелюбимой начальнице Надежде, чтобы поправить финансовое положение. У Надежды помимо денег имелось старинное украшение – золотая диадема, по легенде принадлежавшая роковой преступнице XIX века Марии Тарновской. Но однажды Надю убили, а диадему похитили. А все улики указывали на Максима...

Главное для серии «Артефакт@Детектив» – поиски древнего рокового предмета-артефакта. Он вне времени, вне пространства, и кто знает, утихнут ли страсти по нему в новом столетии? В новом детективе Ольги Басковой золотое старинное украшение

не приносит никому счастье и через века толкает людей на необдуманные поступки...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	47
Глава 9	50
Глава 10	56
Глава 11	67
Глава 12	70
Глава 13	77
Глава 14	81
Глава 15	86
Глава 16	89
Глава 17	94
Глава 18	99
Глава 19	102
Глава 20	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ольга Баскова

Диадема Марии

Тарновской

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Баскова О., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Глава 1

Полтава, 1893 год

Пансион благородных девиц

– Мария, вы спите? Мария! – Худенькая смуглая девочка с волосами цвета воронова крыла и маленьким птичьим личиком на цыпочках подошла к кровати и коснулась белоснежного плеча подруги. – Мария, просыпайтесь. Агнесса Карловна только что заглядывала к нам. Теперь ее долго не будет.

Та, которую она назвала Марией, дернулась под тонким одеялом, совсем не согревавшим в морозные дни, и приподняла хорошенькую головку.

– А? Что случилось?

– Вы и вправду заснули? – Аглая покосилась на соседнюю кровать, где посапывала самая примерная пансионерка – Елена Кадышева, дочь богатого купца. – Подвиньтесь, мне холодно. Ноги зябнут.

Мария лениво зевнула и подняла одеяло, давая подруге возможность юркнуть к ней в кровать.

– Ой, какая вы ледяная, Аглая!

Чернявая девочка прижалась к ней всем худеньким, дрожащим телом:

– Знаете, дома я спала под ватным одеялом. А тут... Наверное, такие тоненькие одеяльца дают солдатам... Но мы же не солдаты. Почему нас содержат в спартанских условиях?

Мария вздохнула, думая, что Аглая была права. В спальне воспитанниц благородного пансиона температура редко поднималась выше шестнадцати градусов, и одеяла, больше напоминавшие покрывала, не спасали от леденящего холода.

– Дома я редко вставала раньше девяти. – Аглая сладко потянулась и горестно вздохнула. – Жаль, что папенька обеднел и был вынужден отдать меня сюда.

Мария сжала ее холодную маленькую ручку:

– Что делать, Аглая! Мне самой здесь не по нраву. Но мои родители, как и ваши, не могут нанять мне преподавателей. Они считают, что мне очень повезло учиться здесь, и молятся за государя, который решил, что такие, как мы, из обедневших дворянских семей, должны получать образование бесплатно.

– Бесплатно! – фыркнула Аглая. – А кого из нас готовят? Домашних учительниц? Вы не считаете эту профессию унижительной? Что до меня, я ни за что не пойду воспитывать богатых ожиревших барчуков.

Мария снисходительно улыбнулась:

– Дело ваше, Аглая. Может быть, вы выйдете замуж и не

будете ни в чем нуждаться. И тогда ваше прекрасное образование позволит вам блистать в свете.

Аглая хмыкнула и сунула в рот кулачок, чтобы не расхотаться.

– Ладно, хватит об этом. Расскажите лучше о вашем романе с господином Насоновым. Вы обещали, обещали, обещали!

– Да тише вы, всех разбудите! – Лицо Марии приняло мечтательное выражение. – Представляете, он наконец сказал, что любит меня.

– Так и сказал? – в простодушной реплике Аглаи не слышалось и тени сомнения, и Мария продолжала:

– Помните, тогда, во время обеда... Я поела быстрее всех и вышла, а он схватил меня за руку...

– И никто не видел? – удивилась подруга.

Мария поморщилась:

– Ну, он не глупец, чтобы сделать это у всех на глазах. Разумеется, нас никто не видел... Так вот, господин Насонов схватил меня за руку и прошептал: «Жить без вас не могу... Только вы можете составить счастье моей жизни».

– Каков! – недовольно пробурчала Аглая. – У него же жена и трое детей. Разве не они его счастье?

Подруга фыркнула:

– Вы же видели его жену. Она бледная и бесцветная, как луна. Думаю, он был вынужден на ней жениться. Наверняка здесь какая-то неприятная история.

– Может быть, – согласилась Аглая, которой безумно хотелось узнать, что произошло дальше. – Итак, он схватил вас за руку и признался в любви. И что же потом?

– А потом появилась эта несносная Агнесса Карловна, и он выпустил мою руку, прошептав: «Я найду способ увидеться с вами». – Голос Марии сорвался, но не от волнения, как подумала Аглая, а оттого, что ее разговор с господином Насоновым был чистойшей выдумкой.

Мария О’Рурк часто сочиняла подобные истории и почти верила, что это происходило на самом деле. Странно, но у ее подруг, кроме недоверчивой Анастасии Бужинской, дочери тайного советника, никогда не возникало мысли усомниться в ее словах.

Мария слыла первой красавицей полтавского пансиона благородных девиц: высокая, стройная, с безупречно белой кожей, правильными чертами лица, густыми волосами медно-рыжего цвета и огромными голубыми глазами. Ее подругам казалось, что в такую невозможно не влюбиться. И неудивительно, что неприступный господин Насонов, молодой учитель математики, недавно появившийся в пансионе, потерял голову и был готов забыть о своей семье.

– Жаль, что он немного косой, – вздохнула Аглая без мысли, что, кроме математика, ни один мужчина, работавший в пансионе, не заслуживал внимания – все остальные были пожилые и суровые.

Впрочем, в подобные учебные заведения других и не при-

нимали, опасаясь за репутацию пансионеров. Классные дамы тоже не блистали красотой: старые девы, а значит, неудачницы в жизни, они напоминали высушенных ископаемых ящеров.

– Ты же знаешь, что он самый красивый мужчина в нашем пансионе, – вставила Мария. – Косоглазие его ничуть не портит. Кстати, я его не замечаю, потому что сама люблю нашего математика без памяти.

– Я помню, вы даже проглотили кусочек мыла, чтобы доказать свою любовь. – Аглая дернулась под одеялом.

– Верно, проглотила, – согласилась О’Рурк. – После этого у меня был легкий жар, но я все вытерпела. Когда любишь человека...

– Вы удивительная, – выдохнула Аглая с восхищением. – Вы...

– Хватит, – раздался голос Анастасии с соседней кровати – Вы мешаєте спать... Завтра я пожалуюсь на вас Агнесе Карловне, и она вас накажет.

– Уже уйду. – Легкая, как птичка, Аглая вынырнула из-под одеяла и засемила к себе, ежась от холода.

Юркнув в свою кроватку с железной панцирной сеткой, она несколько минут ворочалась и кряхтела, пока здоровый сон не сморил ее.

Мария еще долго не могла заснуть. В последнее время она все чаще стала задумываться о своем будущем, и оно рисовалось ей безрадостным. Благородное происхождение

уже ничем не могло ей помочь. Когда-то дворянский род графов О'Рурков (его корни уходили к ирландской королевской династии), представителем которого являлся ее отец, был очень влиятельным в России, но к девятнадцатому веку утратил свои позиции. Семья влачила полунищенское существование, и родители обрадовались, когда появилась возможность дать дочери бесплатное хорошее образование.

Так Мария оказалась в пансионе благородных девиц, в стенах строгого белого здания, построенного в классическом стиле. Сначала ее решительная и свободолюбивая натура противилась строгим правилам закрытого учреждения. Ее коробило, что все девушки были одеты одинаково, с одинаковыми гладкими прическами (маленьких вообще коротко стригли), ее тошнило от иностранных языков, зато она обожала историю и арифметику, скорее не саму арифметику, а молодого косоглазого учителя, пусть и несвободного.

Впрочем, все предметы, кроме языков, преподавались довольно поверхностно. Преподавателю истории советовали учитывать, что чувствительным женщинам мало дела до того, сколько человек погибло в том или ином сражении. Нежным пансионеркам следовало знать только факты, влиявшие на домашнюю жизнь.

Учителя физики, следуя наставлениям директрисы, ограничивались некоторыми свойствами тел и явлений в природе, которые могли пригодиться в обыденной жизни или быть полезными при воспитании детей.

А еще Мария обожала прогулки в городском саду. Пусть их водили строем, пусть за ними шел полицейский – на улице девушка расцветала. Щеки загорались румянцем, глаза излучали необыкновенный блеск, полные губки звали к поцелуям...

Она жадно ловила восхищенные взгляды молодых людей, и ее хитрый девичий мозг работал денно и нощно, думая, как назначить им свидание и выскользнуть из пансиона.

К сожалению, это было невозможно. Строгие классные дамы охраняли воспитанниц как наседки.

И тогда Мария принялась испытывать свои чары на преподавателях, всюю строить им глазки, а потом сочинять любовные истории.

Язвительная Анастасия Бужинская придумала ей прозвище – «полудевственница», которым О’Рурк втайне гордилась. Она презирала изнеженных пансионеров, жутко красневших, когда девушка начинала говорить о любовных наслаждениях, и мечтала скорее окончить пансионат и вырваться на свободу.

И вот подошел к концу восьмой год ее обучения. Вскоре родители должны были забрать ее домой, и один бог знал, что ждало ее за стенами благородного здания.

Мария постучала кулачком по жесткому матрасу и прошептала, косясь на постель Анастасии:

– Я никогда не буду домашней учительницей. Я никогда не буду голодать. Даю слово.

Глава 2

Качановка, 1895 г.

Мария медленно шла по дубовой аллее огромного красивого парка и крепко держала за руку высокого молодого человека с узкой темной бородкой, а он, наклонившись к девушке, с наслаждением вдыхал аромат ее рыжеватых волос и шептал:

– Вы свели меня с ума, Мария. Я люблю вас. Я готов просить вашей руки.

Его взволнованный голос не пробуждал в холодной О’Рурк никаких чувств. Долговязый и не очень образованный Василий Тарновский – именно так звали ее кавалера – ей почти не нравился.

Разумеется, он был лучше ущербных преподавателей пансиона благородных девиц, но с героем ее романа не имел ничего общего. Впрочем, у него было одно достоинство: его родители слыли очень богатыми людьми. О баснословном богатстве кричало и имение в Качановке, по парку которого они гуляли.

Мария никогда не видела такой роскоши. Она с интересом слушала рассказы молодого человека об этом удивительном

уголке, ассоциировавшемся у нее с райскими кущами, имевшем к тому же и богатую историю.

Когда-то великая императрица Екатерина II подарила хутор Качановку графу Петру Александровичу Румянцеву, а полководец задумал создать резиденцию президента Малороссийской коллегии.

Недолго думая, он выписал лучших зодчих и архитекторов, и они возвели дворец в псевдоготическом стиле, с многочисленными башенками, увенчанными шатрами, уступами и нишами. А вскоре вокруг дворца разбили парк, с дубовой поляной и огромным садом, состоявшим из плодовых деревьев и виноградника. Рядом с дворцом построили несколько служебных помещений, а парк украсили гротом и «романтическими руинами». После смерти графа имение перешло к его сыну, который, недолго думая, продал его некоему Григорию Почеке и его жене. Румянцевский дворец снесли, на его месте появилось одноэтажное здание в классическом стиле. Изменился и сам парк, неподалеку начали строить церковь. А потом имением завладел сын жены Григория от первого брака, камер-юнкер Григорий Степанович Тарновский. Человек энергичный, он, не откладывая в долгий ящик, приказал возвести новый дворец. Изменения коснулись и парка. Фруктовые деревья перенесли в другое место, подальше от жилых помещений, а их место заняли боскеты, обсаженные липами и березами. Григорий Степанович решил увеличить и пруд, сделав его даже не большим –

огромным, и велел насыпать в его середине два искусственных острова, соединенных мостом. Из пруда изгнали крестьянских уток и гусей, запустили лебедей, по его берегам насадили водные растения.

Казалось бы, имение должно было заиграть по-новому, вызывать восхищение у многочисленных гостей, но этого не происходило. Гости, все как один, отмечали: дом будто не был закончен, дорожки не доделаны. Может быть, хозяин жалел деньги? Но на кого ему было тратить свой огромный капитал – детей у супругов не было. Впрочем, люди искусства – писатели, поэты, художники и композиторы – с удовольствием ездили в Качановку. Григория Степановича и его жену удостаивали вниманием и Николай Гоголь, и Михаил Глинка, и Тарас Шевченко, и Павел Федотов. А когда супруги Тарновские покинули этот мир, в права наследования вступил Василий Тарновский, дедушка кавалера Марии, а от него Качановка перешла к отцу Василия, тоже Василию.

Мария подумала, что это имя передавалось по наследству, так же как дворец и парк.

Дедушка ее возлюбленного не перестраивал усадьбу, предпочитая заниматься сельским хозяйством, а красавец отец, в жизни которого было три страсти – парк, коллекция и женщины, активно взялся за дело. Он выписал хвойные деревья, никогда не росшие в этих краях, засадил поляны декоративными кустарниками, украсил аллеи скамейками и мраморными скульптурами. Старый парк преобразился, заиграл

новыми красками. А энергичный хозяин и не думал останавливаться, продолжая совершенствовать Качановку по своему вкусу. Он очень любил цветы, и вскоре возле дома появилась оранжерея, а на первом этаже дворца – летний сад. Полюбоваться растениями съезжались со всей округи, и Мария, нередко навещавшая Василия, с завистью смотрела, как по изумрудному дерну катились богатые экипажи.

Что ж, у нее тоже будет такой. И она будет одета не хуже хорошеньких барышень, вышедших из экипажей со своими маменьками. А поможет ей в этом брак с Василием Тарновским.

– Я с удовольствием бы вышла за вас замуж, – томно произнесла она, сжав его теплые пальцы, – но мои родители считают, что вы мне не пара. Отец всегда хотел, чтобы мы породнились с дворянским родом.

Василий вздохнул и потеревил каштановый ус.

– Мои родители тоже так считают, – произнес он и покраснел. – Отец не рассматривает девушек, у которых нет денег, в качестве хорошей для меня партии. И дворянство тут ни при чем.

Она наклонила рыжеволосую голову:

– Понимаю. Что же нам делать, Василий? Правила приличия говорят, что я должна немедленно с вами расстаться. В наших кругах всегда бытовало мнение, что даже невинные прогулки по аллеям под руку с молодым человеком компрометируют девушку. – Мария выхватила руку из его ладони

и всхлипнула: – Прощайте, Василий. Помните о Марии, которая очень любила вас.

Она бросилась бежать по липовой аллее, прекрасно зная, что пылкий молодой человек кинется следом.

Так и случилось. Василий был слишком влюблен, слишком хотел обладать этой девушкой, чтобы вот так отпустить ее. Он нагнал Марию возле старого дуба и схватил за плечо:

– Да подождите вы! Мы не можем вот так расстаться. Я не смогу без вас жить.

Она сурово сдвинула брови:

– Но у нас нет другого выхода, как вы не понимаете!

Василий задумался:

– Выход есть, дорогая. На нашей стороне моя бабушка Людмила. Она всегда говорила, что не одобряет снобизма отца. Бабушка предложила мне украсть вас и обвенчаться за городом. Я заплачу священнику, и он обвенчает нас без благословения родителей. Гусар Лядовский будет моим свидетелем.

Мария покраснела и опустила глаза:

– Венчаться вот так, без родительского благословения?

Тарновский улыбнулся:

– Но что же делать, если они запрещают нам любить друг друга?

Девушка застонала и прижалась к нему всем телом:

– Ох, Василий! Как я буду счастлива!

Он обнял любимую и поцеловал в белый гладкий лоб:

– Я тоже. Сегодня же переговорю с Лядовским. О месте и времени венчания обязательно дам знать.

– Я буду ждать, – Мария отстранила его и тряхнула головой: – А теперь я пойду. Нас могут увидеть.

– Скоро мы не будем этого бояться, – заверил ее жених. – Совсем скоро, уверяю вас.

Глава 3

Приморск, наши дни

Он подошел ко мне неслышно – так подкрадывается кошка к мыши – и довольно ощутимо ткнул в бок указательным пальцем:

– Эй, ты! Думаешь возвращать долги?

Я обернулся и увидел перед собой здорового парня с толстым лицом и широким носом. Интеллектом это лицо явно не было обезображено.

– Простите, вы кто?

– Считаю, что коллектор, – парень усмехнулся, оскалив редкие зубы, – малыш, меня прислали напомнить тебе: когда занимаешь деньги у солидных людей, их нужно отдавать, – для пущей убедительности он продемонстрировал кулак с голову жеребенка.

– Этот солидный человек – мой одноклассник, – выдохнул я и поморщился.

Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

– И что с того? – Парень сплюнул на сухую землю. – Теперь он должен все тебе простить?

– Не должен, я отдам. – Я вложил в эти слова как можно

больше эмоций, но он, видимо, не поверил:

– Свежо предание. Слушай, шеф дает тебе неделю. Неделю, понятно? Если не вернешь долг, пострадают твои близкие. Заруби это на носу.

Я торопливо кивнул (перспектива быть побитым здесь и сейчас мне не улыбалась):

– Спасибо. Недели вполне хватит.

– Ну, тогда бывай, корешок. – Парень повернулся, чтобы уйти, но внезапно согнулся, и его кулак вонзился мне в живот.

Удар был такой силы, что из моих глаз брызнули искры. Боль заставила меня встать на колени и застонать. Качок щелкнул пальцами и испарился.

Посидев еще немного в позе йога, я поднялся и, согнувшись пополам, доплелся до ближайшей скамейки и опустился на нее тяжело, как старик. В голове, в унисон с болью, завертелись безрадостные мысли.

Полгода назад меня выгнала жена, заставив платить сыну алименты. Я пытался договориться с ней, обещал большую сумму, если она не станет подавать в суд, но Светлана была непреклонна. А спустя три месяца тяжело заболела мать – единственный близкий и понимающий меня человек. Моей скудной зарплаты в банке – это только непросвещенные думают, что банковские работники гребут деньги лопатой – едва хватило, чтобы поместить ее в неплохую клинику, где лечащий врач недвусмысленно намекнул, что придется хо-

рошо раскошелиться.

– Вашей матери требуется операция на сердце, – сказал он и отвел взгляд. – Стоит она недешево. Если ее не сделать, затруднюсь сказать, сколько она еще протянет.

– А можно конкретнее, доктор? – На моем лице был написан живейший интерес, и врач протянул мне листок с шестизначной суммой:

– Не меньше. Возможно, и больше.

Я чуть не задохнулся:

– Но где мне взять такие деньги?

Доктор развел руками:

– Это не моя проблема. Я был с вами предельно честен.

С этого дня и начались мои мытарства. Я бегал как ошпаренный, пытался подработать в банке, узнавал насчет разгрузки вагонов, однако все это давало мизерный заработок – так, не о чем говорить.

Я уже отчаялся, но в один прекрасный день встретил своего одноклассника, Витьку Колесникова, сына рэкетира. Да, когда-то его папочка вымогал деньги на центральном рынке, а потом стал вполне уважаемым бизнесменом и построил несколько гостиниц на южном побережье. Судя по всему, они процветали. Витька окончил институт по гостиничному хозяйству и туризму и помогал отцу вполне грамотно. О его благосостоянии говорили дорогая одежда и «Мерседес» последней модели – мечта любого автомобилиста.

– Макс, ты, что ли? – Через секунду я оказался в его креп-

ких объятиях и почувствовал, как хрустнули кости: Витька всегда занимался борьбой. – Как живешь, дружище?

Я попытался улыбнуться:

– Честно говоря, нечем похвастаться.

Он посерьезнел:

– Правда? Слушай, дружище, давай посидим вон в той кафешке и поговорим. Даю слово, помогу тебе чем смогу.

За хорошим коллекционным вином я рассказал Витьке обо всем – и о больной матери, и о бывшей жене-стерве.

– Дело очень даже поправимое, – заверил он меня, услышав сумму, требующуюся на операцию. – Я дам деньги. Но, сам понимаешь, без процента не могу – отец не поймет. Два процента – это, мне кажется, по-божески.

В тот момент я был готов и на десять – лишь бы успеть сделать матери операцию.

На следующий день мы подписали необходимые документы, и я поспешил в больницу.

О том, как меня закабалили, я понял только через некоторое время. Мне бы подумать тогда, в приморском кафе, о том, что рэкетеры и их дети не привыкли отдавать – только брать.

Уже через месяц Витька потребовал от меня всю сумму, которую выплатить для меня было нереально. Проценты выросли сами собой.

Мы с ним встретились, чтобы все обсудить, и Витька предложил отдавать деньги по частям.

Я сначала обрадовался, но, услышав сумму, побледнел. Это была моя зарплата в банке.

– Для меня такая сумма неподъемна, Витек. – Я попробовал отбиться, взывая к состраданию. – Матери требуются лекарства, сыну – алименты. Да и мне нужно на что-то жить. Я согласен на треть суммы – и ни рублем больше.

Школьный приятель усмехнулся:

– Здесь решаю я, Макс. Скажи, о чем ты думал, когда соглашался на мое предложение? О том, что я все тебе прощу?

Я замотал головой:

– Я всегда играл честно, Витек. Тогда думал: все отдам, лишь бы сделали операцию. Другие же как-то зарабатывают эти проклятые деньги. Я же просиживаю в банке допоздна – и хоть бы когда-нибудь получил за это премию. Наша начальница – редкостная гадина. Недаром уже давно живет одна. Разве на такую позарится нормальный мужик?

Он скрипнул зубами:

– Значит, так, дорогой. Я даю тебе еще месяц. Не вернешь – пеняй на себя. Кстати, у тебя есть квартира. Продай ее. Меня не интересует, где ты возьмешь деньги. Женись на своей начальнице, например.

Я расхохотался:

– Ты пошутил, правда? Во-первых, она за меня не пойдет. Во-вторых, эта дамочка страшна, как моя жизнь, и строптивая, как героиня Шекспира. Не вариант.

Витек прошелся по мне оценивающим взглядом. Так от-

бирают породистых лошадей для скачек.

– Почему не пойдет? Ты очень красив, девчонки в школе бегали за тобой наперегонки. К тому же ты не дурак, с высшим экономическим, и вполне потянул бы должность какого-нибудь вице-президента банка. А она закрыла бы твои долги. И тебе вовсе не обязательно любоваться ее внешностью каждую минуту. Ты же сообразительный, что-нибудь придумаешь.

– Я не проститутка, – буркнул я и сплюнул на горячий асфальт.

Проходившая мимо женщина с огромной кошелкой, из которой кокетливо выглядывали краснобокие помидоры, посмотрела на меня с осуждением.

– Не проститутка? – усмехнулся Витек. – Милый мой, мы все проститутки. Если кто-то утверждает, что не продается, – не верь. Дело лишь в цене.

Меня покорило, но я не пытался возражать, знал – это бесполезно. Квартиру я, конечно, продавать не буду. Мы с матерью не можем остаться на улице. Брак с начальницей – вообще полный бред, таких, как я, она не достаивает и взглядом. К тому же если бы вы ее видели, то поняли, что предложение жениться на ней – неудачная шутка. Придется выпутываться по-другому.

Тогда я действительно так думал. Но месяц пролетел быстрее, чем обычно – так мне показалось, денег не прибавилось – и вот послание от Витька: здоровенный парниша.

Но что же делать?

Я со стоном поднялся со скамейки и поплелся в банк.

Глава 4

Киев, 1895 г.

Мария еще раз посмотрела на небольшой саквояж, который собрала в дорогу, и, взяв его в руку, взвесила, словно проверив тяжесть поклажи.

Саквояж был нетяжелым, скорее даже легким, потому что девушка не могла похвастаться своим гардеробом. Но сегодня, в эту ночь, все должно было измениться. Василий прислал мальчика с запиской, где умолял невесту выйти из дома в три часа. У ворот ее подхватит экипаж, и молодые помчатся навстречу своему счастью.

Осторожно, на цыпочках, чтобы не разбудить родителей, в особенности отца, который всегда спал очень чутко, девушка крадась к двери, отмечая убогость обстановки родительской квартиры.

Большое старинное зеркало в прихожей, порядком ободранное и побитое от постоянной смены квартир в поисках более дешевых, такой же выдавший виды стол с тремя кривыми ножками, стулья, жалобно скрипевшие, когда на них садились, и угрожавшие развалиться при любом толчке...

И при такой нищете отец еще перебирает с ее женихами!

Решено: она ни за что не возвратится в этот дом, даже навсегда порвет с родителями, если они не примут ее мужа.

Бросив прощальный взгляд на дверь родительской спальни, откуда доносилось сопение отца, девушка выскользнула из квартиры и, быстро сбежав по ступенькам, бросилась в экипаж, поджидавший ее у дома.

Василий принял невесту в объятия и поцеловал в щеку:

– Я счастлив видеть вас, дорогая. Все готово. Свидетели и гости ждут в церкви.

Он обхватил рукой ее стройный стан и крикнул кучеру:

– Гони!

Экипаж понесся по пустынным улицам Киева. Мелькнули золотые купола Софийского собора, и на мгновение девушке показалось, что она прощается с детством, с тем, что ей было дорого.

Мария быстро подавила грусть. В конце концов, что ждало ее, останься она с родителями? Нищета? Какой состоятельный князь или граф захотел бы взять ее в жены? А между тем Василий был готов бросить к ее ногам несметные богатства.

– О чем вы думаете? – Жених сжал ее руку, его усы щеко-тали ухо. – Жалеете, что согласились на мою авантюру?

Она замотала головой:

– Нет, нет и еще раз нет. Я люблю вас и хочу быть с вами.

Экипаж выскользнул из города и понесся по проселочной дороге вдоль полей зеленевшей пшеницы. Мария так и не

узнала, как называлась та деревенька, в которой в маленькой церкви молодой черноволосый священник обвенчал их, не задавая никаких вопросов. А потом, после церемонии, гости – их оказалось неожиданно много, почти вся «золотая молодежь» Киева – бросились обнимать и поздравлять молодых.

Мария, поддерживаемая под руку супругом, прижимая к себе большой букет белых роз, сладковатый запах которых, напоминавший о детстве – такие были в имении Рурков, когда его еще не продали, – сводил с ума, вернулась в экипаж и въехала в родной город уже не невестой богатого наследника Василия Тарновского, а его законной женой.

– Давайте заедем к вашим родителям, дорогая, – прошептал Василий, пунцовый от счастья. – Я хочу, чтобы они полюбили меня.

Мария грустно улыбнулась:

– Не надейтесь на их искренность. Папа всегда был снобом, кичившимся своим происхождением. Слава его предков давно канула в Лету, но он до сих пор не может в это поверить. В нашей скромной квартире только одна достопримечательность – графский титул, но вы его не заметите.

– И все равно. – Василий упрямо выпятил нижнюю губу. – Мы должны повидаться с ними и сообщить радостную новость.

Она равнодушно кивнула:

– Как хотите.

Экипаж остановился возле ее дома, и девушка, держа за

руку молодого мужа, увлекла его по лестнице:

– Не рассчитывайте на радушный прием.

Дверь открыл заспанный взъерошенный отец, долго не понимавший, что говорит ему Мария. А когда Василий распахнул объятия и захотел обнять графа, чванливый О'Рурк отстранил зятя, думая о том, что этот юноша не нравился ему и никогда не понравится.

Однако дочь настойчиво повторяла, что они обвенчаны, и Николай, скорчив гримасу, позвал жену:

– Иди сюда, дорогая, полюбуйся, какой подарок преподнесла нам дочь.

Худенькая женщина, постоянно озабоченная нехваткой денег, со следами былой красоты на бледном лице, заплакала, но овладела собой и поцеловала сначала Марию, а потом и Василия, не ожидавшего такого холодного приема. Ее полные слез глаза словно говорили: «Что же ты наделала, дочка!»

– Я надеюсь, что вы полюбите Васюка как своего сына. – Мария коснулась плеча матери. – От этого зависит наше счастье.

Граф сжал кулаки, собираясь выплеснуть свою накопившуюся желчь (подумать только, его Манюня, любимая Манюня, папина дочка, послушалась и сделала по-своему), и лишь предостерегающий жест жены сдержал его порыв.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – буркнул он. – Но если вы рассчитываете на бокал вина, то ошибаетесь. Мы не

готовились к торжеству.

Девушка махнула рукой:

– Нам ничего не нужно. Мы муж и жена – это главное. Пойдем, Вася. – Она потянула супруга из квартиры.

Тарновский, немного растерянный, последовал за ней, на прощанье поклонившись О’Руркам.

– Я не думал, что ваши родители... – начал он, когда молодые вышли на улицу, но Мария приложила к его губам тонкий пальчик:

– Ни слова больше. Ни ваши, ни мои родители не могут помешать нашему счастью. – Она приготовилась сесть в экипаж, когда растрепанная госпожа О’Рурк, выбежав из парадного, бросилась к дочери:

– Девочка моя, не обижайся на отца. Ты знаешь, он отходчив. – Графиня сунула в руки дочери какой-то сверток. – Здесь драгоценность, которой очень дорожила твоя бабушка. Храни ее, и она принесет тебе счастье.

Мария пыталась принять независимый и холодный вид, но губы задрожали, и она бросилась в объятия матери:

– Мама, мама, я тоже очень люблю тебя.

Графиня посмотрела на Василия, с удивлением взиравшего на эту сцену:

– Любите мою дочь. Это все, что у меня осталось.

Он приложил руку к сердцу:

– Обещаю вам, сударыня. Вы могли бы мне этого и не говорить.

Госпожа О'Рурк еще раз обняла дочь и скрылась в доме. Молодые уселись в экипаж.

– Что это? – Василий указал на сверток, и Мария бережно развернула мешковину, обнажившую старую потертую коробку из красного дерева.

Тонкие пальчики осторожно открыли крышку футляра, и лучик солнца, прорвавшийся в маленькое запыленное окошечко экипажа, заиграл на мелких бриллиантах, в изобилии усыпавших золотую корону-диадему, изготовленную в форме виноградной лозы.

– Какая прелесть! – вырвалось у Марии, и Василий, завороженный блеском бриллиантов, тихо добавил:

– Charmante. Она, наверное, стоит баснословных денег. Держу пари, моя мать никогда ничего подобного не видывала.

Молодая жена быстро сунула диадему в футляр и замотала мешковиной.

– Я никогда не продам ее, – заявила она, капризно выпятив нижнюю губу. – Никогда, слышите?

Тарновский пожал плечами и хмыкнул:

– Я не сказал об этом и слова. Кстати, меня всегда удивляли мужья, заставлявшие своих жен продавать драгоценности. Смеею заверить, я не из их числа. Притом, дорогая, денег у нас навалом. Я куплю вам три такие диадемы.

Мария посмотрела на него влюбленными глазами.

– Я тоже буду любить вас, Васюк, – тихо сказала она. –

Никогда, никогда я не стану принадлежать другому.

Глава 5

Качановка. Имение Тарновских, 1895 г.

– Не ожидал от тебя, сын, не ожидал. – Василий Тарновский-старший мерил шагами свой большой кабинет, нервно теребя бородку. – Признаюсь, думал, что ты умнее. Ну что ты нашел в этой бесприданнице? Ее графское происхождение? Титул при желании можно купить, вопрос лишь в деньгах.

Молодой человек покачал головой:

– Меня никогда не интересовало ни происхождение Марии, ни ее деньги. Я люблю эту девушку и хочу быть вместе с ней. Теперь никто не сможет нам помешать.

Тарновский-старший нахмурился:

– Скажи, пожалуйста, на какие деньги вы собираетесь жить? У твоей женоушки нет ни гроша, и ты нигде не служишь. Может быть, прежде чем заводить семью, следовало бы подумать, на что ее содержать?

Это заявление застало врасплох новоиспеченного мужа.

– Если вы мне не поможете... – от волнения он начал заикаться, боясь, что отец укажет ему на дверь и волей-неволей придется устраиваться на службу в какую-нибудь контору, – я потребую свою долю наследства.

– Свою долю наследства! – пробурчал отец. – Да ты растратишь ее за месяц. Ты и твоя женушка еще ничего не заработали в этой жизни и не знаете, как распорядиться деньгами.

– Жизнь нас научит. – Василий щелкнул каблуками, как бы давая понять, что разговор окончен и он покидает отцовский кабинет.

Тарновский-старший бросил пристальный взгляд на своего долговязого сыночка и вдруг смягчился. Он любил своих сыновей и вовсе не хотел обречь их на скитания и нищету.

– Ладно, твоя взяла. – Мужчина похлопал сына по плечу и улыбнулся. – Отец не даст тебе влачить нищенское существование. Я куплю вам дом в Киеве и подарю кругленькую сумму.

Василий побледнел, упал на колени и припал к жилистой руке отца.

– Спасибо! Я очень вам благодарен.

– Только мой совет – не тратьте много, если не планируете зарабатывать, – назидательно сказал господин Тарновский. – Деньги имеют свойство заканчиваться. Я отпишу вам одно из своих имений, и мой тебе совет – найми толкового управляющего. В противном случае имение пойдет с молотка.

Сын снова припал к его руке:

– Я очень вам благодарен, – повторил он.

Василий-старший продолжал:

– После моей смерти вы с Петром унаследуете все в рав-

ных долях. Надеюсь, вы сможете сделать все полюбовно.

– Конечно, мы очень дружны с Петром, – заверил его сын. – Вам ли это не знать?

Тарновский-старший задумался. Он хотел добавить, что ему не нравится Мария, что он никогда ее не полюбит и что в этой девушке есть что-то порочное, но промолчал. В конце концов, он плохо знал новоиспеченную госпожу Тарновскую. Может быть, сын увидел в ней какие-нибудь достоинства, кроме яркой внешности?

– Пойдем в сад, – позвал он сына. – Я хочу поговорить с твоей женой.

Василий вспыхнул. Снисходительный тон отца пробудил в нем негодование.

– Если вы позволите себе оскорбить ее...

– То ты вызовешь меня на дуэль, – усмехнулся Тарновский-старший и потрепал его по плечу: – Мальчик мой, у меня и в мыслях такого не было. Наоборот, я подумал, что, если мы теперь одна семья, нужно лучше узнать друг друга. Ну, веди меня к своей женошке.

Глава 6

Приморск, наши дни

– Почему опаздываешь? – поинтересовался мой коллега, такой же банковский работник Владик. – Наша Грымза недовольна. Она хотела тебя видеть. Ты что-то напортачил с отчетом.

Грымзой мы за глаза называли нашего генерального директора – Надежду Остапову, даму неопределенного возраста и страшную, как моя жизнь. Именно за ней Витек предлагал приударить.

Банк «Возрождение» был основан ее отцом, имевшим тесные связи с криминалом в девяностые и пять лет назад почившим от рака – лишнее подтверждение тому, что за деньги здоровье не купишь. У Грымзы был талант окружать себя уродливыми женщинами – такими, как она сама.

Я поежился, представив себе свидание с этой страхолюдиной и истеричкой – не женщина, а мечта поэта.

– Слушай, Владик, а не идти нельзя? Что я там напортачил?

Владик, остроносый и лупоглазый, покачал головой:

– Она сказала: ты напортачил со счетами важных клиен-

тов.

– Черт! – Я схватился за голову. В последние дни мне действительно не работалось: я думал только о деньгах. – Да она меня уничтожит! А потерять работу мне никак нельзя.

– Тогда иди быстрее.

Я подхватил бумаги и поплелся в кабинет на втором этаже.

Дверь в приемную оказалась открытой. Секретарша Лена, ничуть не лучше своей начальницы (я имел в виду внешние данные), мучила клавиатуру компьютера, и это, надо сказать, получалось у нее довольно ловко.

Увидев меня, она заморгала и поправила старомодные огромные очки.

– Вы к Надежде Павловне? Она ждет.

– Благодарю вас, Леночка, вы безумно любезны, – отозвался я и послал ей воздушный поцелуй. – Не могли бы вы вызвать «Скорую»? Что-то подсказывает мне: Надежда Павловна меня убьет.

– Надо надеяться на лучшее. – Она улыбнулась в ответ и подняла трубку: – Надежда Павловна, он в приемной.

В трубке что-то пробулькало, и Лена подняла на меня глаза:

– Заходите.

Чувствуя, как пол плавно уходит из-под ног, я толкнул дверь генерального директора и оказался в святая святых.

За огромным столом из дорогого дерева восседала моя на-

чальница. Я видел ее много раз и никак не мог привыкнуть к ее внешности. Почему она, имея такие деньги, не делает пластику? Жадность или принцип: мол, принимайте меня такой, какая я есть? Но такая, какая есть, она была страшна.

Я вспомнил какой-то зарубежный фильм, который смотрел когда-то давно, в детстве. Главный герой, врач, захотел понравиться одной девушке, но оказалось, что он не в ее вкусе. И тогда этот чудак начал убивать людей, ампутировать части лица, которые могли бы понравиться его возлюбленной, и пришивать себе. В результате он стал еще уродливей и, конечно, так и не покорила даму сердца. Я смотрел этот фильм в кинотеатре. Зал замирал от страха, когда показывали его лицо, а меня разбирал смех. Надо же быть таким придурком!

Так вот, я вспомнил этот фильм, потому что Надежда Павловна напоминала главного героя после его многочисленных пластических манипуляций. Каждая черточка квадратного лица с неженским подбородком смотрелась на ней, будто заимствованная у другого человека: рыжие сеченые волосы, большой нос с горбинкой, глубоко посаженные глаза, тонкие губы. Она не пыталась стать более привлекательной с помощью косметики – и это было странно.

Единственное, что в ней было привлекательным, – ее фигура, стройная, с тонкой талией. Таких женщин легко одевать модельерам: практически им все идет. Но пластику сделать не мешало бы: может, тогда она нашла бы себе мужика

и подобрела к своему персоналу.

Многие говорили, что ее исправит только могила. Подчиненные были для нее кем-то вроде муравьев, которых в любой момент можно раздавить. Грымза никого не уважала и не любила: наверное, в свое время папаша внушил ей, что деньги решают все. От нее уходили пачками – те, кому было куда уйти. И, поверьте, она от этого не плакала. Может быть, считала, что свято место пусто не бывает?

Впрочем, я не стал долго размышлять над этим и приветливо улыбнулся, стараясь растопить лед в ее холодном сердце:

– Здравствуйте, Надежда Павловна. Вы хотели меня видеть, и я примчался по первому вашему зову.

Она усмехнулась уголками губ:

– Очень трогательно с вашей стороны. Вы знаете, что чуть не загубили одну операцию у нашего vip-клиента? Хорошо, что я вовремя заметила это.

– Прощу прощения, больше это не повторится. – Я разглядывал свои старые, изношенные ботинки.

Грымза повысила голос:

– Думаю, это больше не повторится, потому что планирую вас уволить.

– Но это невозможно! – Еще немного – и я бы опустился перед ней на колени. – У меня больная мать... Ей нужны дорогие лекарства... Я не могу потерять эту работу.

Она дернула плечом:

– Скажите, почему я должна думать о вашей матери? Это меня совершенно не касается. Хотели остаться на работе – нужно было все хорошо выполнять. Я не намерена кормить всяких бездельников и разгильдяев.

Я побледнел. Кровь прилила к лицу, руки похолодели.

– Но вы не можете так со мной поступить! – В отчаянии я почти кричал. – Дайте, по крайней мере, сначала найти работу. Я занял деньги, чтобы оплатить матери операцию, и должен вернуть все в кратчайшие сроки.

На ее уродливом лице не дрогнул ни один мускул.

– Я же сказала: мне нет дела до ваших проблем. Ступайте к Лене и пишите заявление.

Внутри меня будто что-то оборвалось. Я взглянул в ее холодные глаза цвета неспелого крыжовника – и меня понесло.

В конце концов, гори все огнем, сколько можно меня унижать? Пусть увольняет, найду другую работу. Буду разгружать вагоны по ночам, может, появится больше денег.

– Да черт с тобой и с твоим паршивым банком. – Я заорал как сирена. Капельки слюны из моего рта летели на ее бумаги. – Думаешь, на тебе сошелся клином белый свет? Катилась бы ты подальше со своими документами и клиентами, Грымза! Пусть с тобой работают те, кому твой мерзкий голос кажется сладкой музыкой. Я пахал на тебя сутки напролет и не получил даже лишнего рубля. Сколько денег я принес твоему банку? Миллионы? А теперь ты увольняешь меня за один-единственный просчет, который никак бы не навредил

нашему клиенту, разве только заставил бы нас кое-что уточнить. Что ж, я с радостью покину это проклятое место. Такого специалиста везде оторвут с руками и ногами.

Она побледнела, потом покраснела. Крыжовенные глаза за толстыми стеклами превратились в две пятирублевые монеты:

– Что вы сказали?

– А что слышала. – Я соскочил с катушек, и мне было все равно – назад дороги я не видел. – Катись со своим долбаным банком! Пусть другие пашут на тебя и проглатывают оскорбления. А я поставлю свечку в церкви, когда мне выдадут трудовую книжку. Да разве можно работать с такой чуркой с глазами, как ты?

Ее дрожащая рука потянулась к мобильному.

Я стукнул кулаком по столу, и телефон отскочил:

– Тебе нравится, когда тебя ненавидят? Когда сыплют проклятия на твою голову? Нравится, когда уходят хорошие специалисты? И славно. Прощайте, ваше величество. Честь имею откланяться.

И тут произошло то, чего я никак не ожидал. Она не вызвала охрану, не приказала спустить меня с лестницы, не отправила писать заявление об уходе.

Она разревелась. Да, нечто подобное уже было в фильме «Служебный роман».

Грымза расплакалась, как Мымра в исполнении Алисы Фрейндлих. Это укрепило меня в мысли, что железных жен-

щин не бывает. Все они слабые и нежные создания, хотя иногда и строят из себя невесть что.

Моя начальница всхлипывала, словно маленькая девочка, слезы катились по ее лицу, и Надежда Петровна их не смахивала. Вообще слезы редко кого красят, но, ей-богу, Грымза стала симпатичнее.

Немного успокоившись, она показала мне на дверь:

– Закройте плотнее...

Я исполнил ее просьбу и вытащил из кармана чистый носовой платок:

– Вытрите лицо. Не ровен час – кто-то войдет и увидит нас в компрометирующей ситуации.

Она промокнула глаза и бросила платок на стол:

– Боже, как банально. Знаете, когда я смотрела этот фильм, ну, «Служебный роман», Мымра меня страшно раздражала. Она казалась мне ненастоящим руководителем. Такая женщина должна была оставаться железной леди и не поддаваться эмоциям. А сегодня я и сама... – Из ее глаз снова покатились слезы.

Я взял платок и осмелился промокнуть ей щеки.

– Успокойтесь, Надежда Павловна. Вы женщина, а женщины слабые существа. Впрочем, иногда плачут и мужики.

Грымза скомкала платок и прошептала:

– Но вы же никому не скажете...

– Нет, если вы меня не уволите.

Она покраснела как девушка:

– Конечно, я вас не уволю. Мы уже решили этот вопрос. Впредь будьте аккуратнее. А что с вашей матерью?

Я принялся рассказывать. Грымза попросила Леночку сделать нам кофе и никого не пускать в кабинет.

Мы беседовали, как старые добрые друзья, и я вспомнил Витькину фразу: «Хоть женись на своей начальнице».

Тогда это показалось мне выходом из положения. Черт возьми, а почему бы нет? Если бы она взвалила мои проблемы на свои мощные плечи, я был бы на седьмом небе. И плевать на ее внешность. Ночью все кошки серы.

Тогда, представьте себе, я действительно так думал. Но согласится ли она? Что ж, чтобы узнать ответ, нужно попробовать.

– Неподалеку от банка открылось новое кафе, – осторожно начал я. – Говорят, в нем продаются очень вкусные пирожные. Не желаете ли составить мне компанию? Я сегодня собирался их продегустировать.

На мое удивление, она закивала торопливо, будто опасаясь, что я передумаю:

– Да, да, давайте встретимся в моем кабинете часов в шесть, после рабочего дня. Но я предпочитаю ресторан «Тигровый мыс». Вы не возражаете?

Еще бы я возражал!

Глава 7

Имение Тарновских, 1895 г.

Марию они застали возле пруда. Она сидела на мраморной скамейке и с грустью смотрела на пару красивых белых лебедей, которые, вытянув изогнутые шеи, горделиво плыли по солнечной дорожке.

Девушка была расстроена холодным приемом четы Тарновских. Свекровь едва удостоила ее кивка и удалилась в свои покои, а свекор, завладев Василием, повел его к себе в кабинет.

При таком отношении со стороны родителей мужа молодые могли лишиться материальной поддержки и оказаться в нищете. Это никак не устраивало новоиспеченную Тарновскую. Нужно было срочно что-то предпринимать, чтобы подняться во мнении богатых промышленников, но, как назло, ничего путного не приходило в голову.

Молодая жена совсем приуныла, погрузилась в тягостные размышления, и голос Василия заставил ее вздрогнуть.

– А, вот вы где! А мы вас всюду ищем!

Мария обернулась. Василий и его отец, улыбаясь, приближались к ней.

Тарновский-старший поцеловал ее ледяную ручку:

– От кого вы тут прячетесь? От меня? Смею заверить, я не такой страшный. – Он согнул локоть, предлагая ей взять его под руку. – Пойдемте в дом, мне нужно поговорить с женой моего сына.

Девушка робко подчинилась ему, бросив испуганный взгляд на мужа. Васюк улыбнулся ей, как бы успокаивая.

Свекор повел молодую по липовой аллее. Старые липы бросали тень на дорожку, усыпанную щебнем, на клумбах зеленела трава, и Марии вдруг захотелось упасть в изумрудную сочную траву, закрыть глаза и ни о чем, ни о чем не беспокоиться.

– У меня два сына, – начал Тарновский-старший, любуясь точеными чертами лица невестки. – Обоих я очень люблю и обоим желаю счастья. Не стану скрывать, нам с женой было бы спокойнее, если бы Василий женился на ком-нибудь из нашего круга. Наверное, так рассуждали и ваши родители. Но сын меня ослушался. Так получилось, что я не знаю ни вас, Мария, ни вашей семьи, и поэтому прошу, умоляю вас: станьте верной подругой моему Василию, любите и уважайте его, и он ответит вам тем же.

Мария опустила ресницы:

– Единственное мое желание – сделать вашего сына счастливым, господин Тарновский.

Василий-старший просиял:

– И вы не пожалейте. Мы с женой, в свою очередь, обеспе-

чим ваше будущее, но помните: деньги имеют свойство заканчиваться. Будьте бережливы и экономны. Обещаете?

Девушка приложила руку к сильно бившемуся сердечку:

– Обещаю.

Свекор повеселел:

– Вот и отлично. А теперь прошу к столу. Негоже отпустить вас, никак не отметив сегодняшней праздник. – Он отпустил руку невестки. – Сын мой, веди жену в наш летний сад, а я пойду поищу твою мать.

Молодые переглянулись. Глаза их сияли торжеством. А вскоре показалась и свекровь, которая, закусив губу, все же обняла невестку и пожелала счастья.

Юная чета Тарновских так и не узнала, что Василий-старший умолял жену принять Марию, чтобы в обществе не разразился скандал. И светская дама сдалась, про себя решив, что никогда не признает эту распущенную особу своей родственницей.

Мария почувствовала, что сегодня одержала пусть маленькую, но победу.

В тот же день вечером господин Тарновский подарил новобрачным дом в Киеве и несколько имений, и новоиспеченные муж и жена, пунцовые от счастья, поцеловали ему ручки. Чванливая, высокомерная госпожа Тарновская соблаговолила обнять невестку, и в полночь экипаж повез молодых в Киев, в их новый дом.

Глава 8

Санкт-Петербург, 1895 г.

Получив щедрый денежный подарок от господина Тарновского-старшего, молодые, не особо задумываясь о будущем, бросились в вихрь удовольствий. Мария бегала по модным магазинам, скупая все подряд, словно вознаграждая себя за трудное, полунищее детство, и Василий ее не останавливал. Он очень любил молодую жену и был готов для нее на все. Вечером чета Тарновских, разодетая в пух и прах, в богатом экипаже, ехала на приемы, в театр или ресторан.

Мария быстро познакомилась со множеством богатых молодых людей, которые тут же приглашали супругов к себе или давали понять, что скоро пригласят. Молодой чете волей-неволей приходилось принимать и у себя, и для этого они благоустроили новый дом, не пожалев денег.

Видя, что их знакомые разъезжают по заграницам и столицам, Тарновские решили последовать их примеру и для начала поехали в Санкт-Петербург, поселились в модной и дорогой гостинице «Шмидт-Англия», где останавливались богатые промышленники и люди искусства.

В столице, прохаживаясь по Невскому под моросившим

дождиком, молодые встретили приятелей из Киева, мужа и жену Волоховых, и те набросились на них с расспросами: давно ли они приехали, какие достопримечательности собираются посетить и были ли у столичных знаменитостей.

Молодые растерялись от такого напора, но Петр Волохов, тощий субъект в пенсне, нисколько не смутившись, продолжал атаковать Марию:

– Вы, насколько мне известно, пишете стихи. Почему же вы до сих пор не посетили салон Зинаиды Гиппиус? Уверяю вас, там собираются сливки литературного мира.

Молодая женщина наморщила лоб. Конечно, ей приходилось слышать об известной поэтессе Зинаиде Гиппиус и ее не менее известном муже, Дмитрие Мережковском, но чтобы так запросто заявиться к ним в салон – об этом она не могла и подумать.

– Мой брат балуется стихами. – Белесая, невзрачная Волохова приблизила губы к лицу Марии, и капельки слюны летели на румяные щеки Тарновской. – Его представили этой ведьме. Да, да, так ее кличут. Или сатанессой – кому что нравится. Если хотите, брат представит ей и вас.

Мария почувствовала легкую дрожь в коленях. Быть представленной самой Гиппиус? Но заслуживает ли она такой чести? Впрочем, почему бы и нет? Конечно, ее стихи не бог весть что, но бывает и хуже.

– Если вашего брата не затруднит, – выдавила она. – Я была бы очень благодарна.

– Конечно, не затруднит, – заверила ее Волохова. – Давайте встретимся завтра здесь, на Невском, скажем, часов в шесть вечера.

Мария едва не бросилась ей на шею.

– Я буду, – пообещала она твердо. – Обязательно буду.

Глава 9

Приморск, наши дни

Я до последнего не верил, что она придет. В противном случае получалось, как в сказке или как в плохом сериале, набившем оскомину даже домохозяйкам: миллионерша-банкирша влюбляется в простого клерка.

Но, представьте себе, она пришла. На ней был простой костюм такого элегантного покроя, что многие модницы посидели бы от зависти.

– Давайте сядем вон за тот столик. – Она указала на террасу.

Ресторан находился в нескольких тысячах метров над уровнем моря – и вид с террасы открывался потрясающий.

Я вообще не мастер описывать пейзажи. Если вы видели картины Айвазовского, вы можете представить всю красоту вечернего моря, даже если никогда не были в этих краях.

В тот вечер море было какого-то причудливого синего цвета. Оно не набрасывалось на камни, а ласкало их и шептало свои тайны. Две острые скалы, одинаковые, как близнецы, горделиво взметнули вверх свои остроконечные вершины. Несколько катеров причалило к ним, и смельчаки взби-

рались по выбитым в них ступеням, чтобы поразить своими заливчатскими прыжками.

Спрашивается, чего ради? Ради видео в интернете или улыбки своих девушек? По мне, так они безголовые дурни, рискующие сломать шею ради минутного восхищения.

Пахло степью и морем. Кажется, Сергеев-Ценский сказал, что море пахнет арбузом. С этим я, пожалуй, соглашусь. Странно: про арбуз никто не говорил, что он пахнет морем, но это уже детали. Цикады орали так истошно, что хотелось их прогнать.

– Здесь очень красиво, правда? – Она улыбнулась и даже немного похорошела. – Обожаю это место. Но давайте что-нибудь закажем. Я ужасно голодная.

Я тоже чувствовал бурление в животе, но опасался предложить ей меню. С детства меня учили, что джентльмен должен платить за свою даму. Этот ресторан считался самым дорогим в городе, и ужин в нем мог пробить существенную брешь в моих доходах. И все же я не мог ударить лицом в грязь.

– Закажите любое блюдо. – Я слышал, как дрожал мой голос. – Я с удовольствием...

Надежда покачала головой:

– Нет, это я с удовольствием угощу вас. Я давно не выплачивала вам премию, верно? Считайте это хоть какой-то компенсацией.

«В конце концов, она права», – я открыл меню и заказал

самые дорогие блюда.

Когда я назвал их официанту, в ее лице ничто не изменилось. Грымза ограничилась коктейлем из морепродуктов и фруктовым салатом.

– Обычно я не ем после шести, – призналась она и покраснела как девочка. – Но сегодня особенный день, вы так не считаете?

– Разумеется, считаю, – поддержал я ее, хотя и сам не знал ответ на этот вопрос.

Свидание с начальницей могло закончиться для меня чем угодно. Грымза была непредсказуема. Одно неверно сказанное слово – и вылетишь с работы.

Официант принес заказы достаточно быстро. Наверное, Надежду здесь знали и старались угодить.

Мы ели в молчании. Честно говоря, я даже не знал, о чем разговаривать.

За чаем мы перекидывались ничего не значащими фразами старых приятелей – о погоде, пляжах и развлечениях, которых у меня было мало. На мое удивление, и она оказалась не любителем повеселиться.

– У меня дом в центре города, неподалеку от набережной, – призналась Надежда и виновато посмотрела на меня. Конечно, виновато. Благодаря мизерной зарплате в банке я и мечтать не мог о таком домике! – Люблю уехать туда на выходные, отключить телефоны и завалиться на террасу с какой-нибудь книжкой.

Я промолчал, ибо что мог добавить?

Любезный до приторности официант принес счет, она бросила несколько тысячных купюр и пробормотала:

– Сдачи не надо.

Он так угодливо изогнулся, что мне стало за него стыдно.

– Пойдемте. – Надежда взяла меня под руку.

Половина ресторана глазела на нас как на редкие музейные экспонаты. Наверное, одни завидовали, а другие осуждали.

Мы спустились по ступенькам к стоянке, я распахнул перед ней дверцу, но она покачала головой:

– Такой хороший вечер. Мне бы не хотелось ехать домой. Знаете что? Давайте спустимся к морю.

Если вы когда-нибудь были на Тигровом мысу в наших местах, то знаете, что к любому пляжу в этом месте просто так не спустишься. Желаящим придется преодолеть восемьсот ступенек, любителям дикой природы – горные кручи. Но и те, и другие в результате не жалели, оказавшись на пляжах с кристально чистой водой, спрятавшихся между скал, по цвету напоминавших тигровую раскраску.

Легкое французское вино придало Надежде храбрости, и она решила спуститься со скалы по узенькой тропинке.

Несколько раз я думал, что она сорвется и я останусь без работодателя. Но в конце концов Грымза с честью преодолела опасные склоны, и мы оказались в райском уголке.

Мне всегда казалось, что эти пляжи напоминают Майами,

хотя там я никогда не был. Нереально белая галька обрывалась таким же белым песком, неизвестно как оказавшимся на галечном пляже. Вода была чистойшая.

Мне до смерти надоели такие описания, как «был виден каждый камушек, каждая травинка», но в данном случае все было именно так.

– Здесь никого нет?

– Если только рыбаки, – произнес я. – Но они просто проплывут мимо. Если проплывут.

– Тогда мы можем искупаться. – Она расхохоталась. – Испугались?

Я покраснел:

– Бояться мне, собственно говоря, нечего. Насколько я понимаю, это не нудистский пляж, а я не взял плавки.

– Но вы сами сказали, что здесь никого нет. – Она хихикнула, как школьница, собравшаяся нарушать запреты мамы. – Я тоже без купальника, и меня это не пугает. Мы можем раздеться в этих расщелинах, а потом нырнуть и поплавать по отдельности.

– Давайте так и сделаем. – Я потакал всем ее прихотям.

Кто знает, может быть, Грымза повысит мне зарплату?

Мы разошлись каждый в свою расщелину. Я видел, как она, нагая, прыгнула в воду.

Сумерки делали ее привлекательной, но я знал, что это ненадолго.

Тем не менее когда женщина подплыла ко мне и обняла,

прошептав, что я напоминаю ей греческого бога, я ее не оттолкнул.

Глава 10

Санкт-Петербург, 1895 г.

Брат Волоховой, такой же белесый и невзрачный, как сестрица, встретившись с Марией на Невском, подвез ее к внушительному дому на Литейном, и они поднялись на пятый этаж, в квартиру Мережковского и Гиппиус.

На удивление Тарновской, дверь оказалась открытой – и они беспрепятственно вошли в святая святых поэзии. Спутник провел ее в большую, модно обставленную гостиную, полную оживленно разговаривавших мужчин. Возле окна, на софе, полулежала рыжеволосая голубоглазая женщина, одетая в строгий мужской костюм.

Увидев гостей, она скорчила гримасу и навела на них лорнет.

– А, это вы, Жорж. – Красавица едва улыбнулась, узнав брата Волоховой: судя по всему, она была очень близорука. – Что за прелестное создание рядом с вами? – Ее тонкая изящная рука потянулась к высокой прическе и вынула шпильки. Волосы тяжелыми волнами упали Зинаиде на плечи, и она, взяв черепаховый гребень, стала медленно и томно их расчесывать.

– Это молодая поэтесса из Киева, – представил мужчина Тарновскую. – Мечтает познакомиться с вами.

Рука Зинаиды, плававшая по золотистым волосам, на мгновение замерла:

– Вот как? И какие же стихи мы пишем?

Тарновская сделала реверанс:

– Мои стихи не могут сравниться с вашими. Я пришла, чтобы увидеть вас. Я так много о вас слышала.

Ее заискивающий тон понравился Гиппиус: она любила лесть.

– Вы такая же рыжеволосая, как я. – Тонкие губы сложились в улыбку. – Так и быть, я познакомлю вас с моими гостями. А потом вы почитаете мне свои стихи.

Мария собиралась запротестовать: она не считала, что ее произведения заслуживают внимания, но Гиппиус подняла указательный палец, как бы приказывая молчать:

– Кроме меня, их никто не услышит. Слово Антона Крайнего.

Тарновская знала, что под этим псевдонимом Зинаида писала фельетоны и статьи.

– Как вам будет угодно. – Она слегка наклонила голову.

Гиппиус встала с софы и, взяв Марию под руку, подвела к невзрачному мужчине маленького роста, с худой впалой грудью, черными влажными глазами и вздыбленной редкой бороденкой.

– Познакомьтесь, дорогая. Будете рассказывать о нас в Ки-

еве. Это мой муж, Мережковский.

Дмитрий Сергеевич надменно кивнул и повернулся к худому мужчине с желтоватым лицом:

– Я всегда говорил, что с помощью символа можно познавать действительность.

– Он разговаривает с Валерием Брюсовым, – пояснила Гиппиус. – Вы слышали о символизме? Мой муж последовательно изложил все его особенности в своих лекциях. По его мнению, символизм способен возродить культуру, продолжить традиции девятнадцатого века. – Видимо, поэтесса оседлала любимого конька.

Она стала подробно объяснять Марии, как нужно писать стихи, но молодая женщина ее не слушала. Полузакрыв глаза, она думала, что волей судьбы попала в волшебный мир литературы, познакомилась с лучшими людьми своего времени.

Она не заметила, как Дмитрий Сергеевич, теребя свою всклокоченную бородку, встал, явно собираясь прочесть что-то свое, и только звуки его голоса вернули ее в реальность.

С усилием тяжким и бесплодным
Я цепь любви хочу разбить.
О, если б вновь мне быть свободным,
О, если б мог я не любить!
Душа полна стыда и страха,
Влачится в прахе и крови,

Очисти душу мне от праха,
Избавь, о Боже, от любви!
Ужель непобедима жалость?
Напрасно Бога я молю:
Все безнадежнее усталость,
Все бесконечнее люблю.
И нет свободы, нет прощенья.
Мы все рабами рождены,
Мы все на смерть, и на мученья,
И на любовь обречены.

Закончив, он театрально поклонился и снова сел рядом с Брюсовым.

– Прелестно! – прошептала Тарновская, пораженная музыкальностью стихотворения. Она подумала, что, вероятно, в нем был глубокий смысл, который ей не удалось постичь. – Гений! Ваш муж – гений!

Гиппиус высокомерно посмотрела на гостью.

– Почитайте-ка свои стихи, дорогая, – надменно проговорила она, укоряя себя за то, что сразу не уделила внимание творчеству этой молодой особы – так было принято в ее салоне.

Тарновская стусевалась:

– Позвольте... Мне неловко, я не смогу... – Мария подумала, что едкая, язвительная Зинаида высмеет ее произведения, и литературная богема навсегда отвергнет жену богача Тарновского. – Я прошу позволения сделать это в сле-

дующий раз, – робко промолвила молодая женщина, теребя пуговицу серого платья.

Гиппиус тряхнула золотистыми волосами:

– Что ж, ваше дело. Давайте договоримся, что вы пришлете мне свои стихи по почте. Я почитаю и обязательно напишу вам, стоит ли заниматься литературой.

Мария поклонилась этой необыкновенной даме:

– Я так и сделаю.

Она засобиралась в гостиницу, и Гиппиус, проводив гостью до дверей, довольно равнодушно с ней простилась.

Мария быстро сбежала по большой мраморной лестнице и, оказавшись на улице, с удовольствием вдохнула свежий вечерний воздух.

Муж, как верный паж, ждал ее у подъезда и, подхватив под руку, потащил в экипаж, предусмотрительно нанятый еще час назад:

– По дороге расскажешь, как тебя приняли. – Его маленькие глаза загорелись необычным блеском – такое всегда бывало, когда речь заходила о хорошей гулянке. – А сейчас едем в ресторан Бореля. Волоховы нас там ждут. Ух и повеселимся...

Мария слегка кивнула, не выразив радости. Она еще находилась под впечатлением поэтического салона Гиппиус.

Разбитной извозчик довез молодых до Большой Морской и высадил возле дома, на первом этаже которого располагался один из самых модных ресторанов Петербурга. Распла-

тившись с извозчиком и щедро добавив ему на чай, Василий повел Марию внутрь.

Ее поразило великолепие огромного зала, белоснежные скатерти, тяжелые синие бархатные занавеси на высоких окнах. Юркие официанты, все как один смуглые и черноволосые, сновали между столиками, разнося подносы, наполненные едой.

Пахло так аппетитно, что Мария почувствовала голод. Чета Волоховых, занявшая стол у окна, махала им руками:

– Идите сюда!

Василий почти подбежал к ним, его переполняло желание как следует покутить в знаменитом ресторане.

– Садитесь. – Тощий как палка Петр Волохов щелчком подозвал официанта: – Нам десять бутылок шампанского, любезнейший, рябчиков и трюфеля.

Тарновский замотал головой, выражая несогласие:

– Десять бутылок? Это смешно, Петя. Ну-ка тащи два ящика шампанского! И самую дорогую закуску, да побольше.

– Разгуляемся сегодня, – хихикнула Дарья Волохова, которую Мария про себя обозвала мышью – она была маленькой, бесцветной, с острым личиком. – Не мешало бы немного подбавить веселья. – Дарья достала из кожаной сумочки пудреницу, открыла ее, но, к удивлению Марии, не припудрила острый носик, а, вытащив немного какого-то белого порошка, поднесла его поочередно к каждой ноздре и сделала

глубокий вдох.

– Что это? – Тарновская заметила, как зрачки женщины расширились, глаза заблестели, бледные щеки порозовели.

– Это кокаин. – Дарья любезно придвинула к ней пудреницу. – Хочешь – попробуй.

«В конце концов, жизнь дана для того чтобы попробовать разные удовольствия», – подумала Мария и взяла щепотку.

Она обвела глазами зал, будто соображая, где находится, и, взглянув на своего мужа, вдруг громко захохотала.

– Где этот официант? – еле выговорила она между приступами хохота. – Почему не несет шампанское? Сегодня мы гуляем с размахом.

Чернявый официант уже бежал с огромным подносом, на котором, матово блестя румяными бочками, лежал поросенок с хреном.

Мария, дурачась, воткнула вилку в спину поросенка и снова захохотала. Официант разделал его, разложил куски по тарелкам, а потом, откупорив бутылку шампанского, наполнил бокалы.

– Уйди, Махмудка! – заорал Петр, отталкивая официанта. – Ты никогда не научишься открывать этот божественный напиток. – Он повернулся к Марии, почти не соображавшей, где она находится. – С недавних пор в официанты стали набирать татар – дескать, они мусульмане, непьющие. И что с того, что непьющие? Бутылку по-человечески не откроют.

Петр потянулся за бутылкой, перегнувшись через колени

Тарновского, и чуть не упал, вызвав приступ неумемного веселья.

– Где ты успел набраться? – Василий гримасничал, веселя компанию еще больше. – Это никуда не годится, брат.

Петр все-таки добрался до бутылки и открыл ее с особым, как он уверял, шиком. Пробка взлетела вверх и едва не достала потолка, а потом, ринувшись вниз, упала в декольте Марии, которая, ничуть не сконфузившись, достала ее и швырнула в Васюка, попав по гладкому лбу. Супруг этого не заметил: он осушал первый стакан с жадностью давно пьющего человека. Петр и Дарья не отставали от него. Мария тоже опрокинула в себя шампанское, отметив, что энергии прибавилось. Ей захотелось вскочить, растормошить всех присутствующих, залезть на стол и сплясать польку.

– Еще! Еще! – завопила она так истошно, что мужчины приличного вида, сидевшие за соседним столиком, все как один обернулись и посмотрели на нее. – Я хочу напиться. Я хочу быть совершенно пьяной!

Тарновские и не заметили, как опустел ящик с шампанским. Татарин-официант тащил другой, и снова Волохов, под громкий хохот, откупоривал бутылки.

Мария, всегда следившая за талией, съела все, что было в тарелке. Шикарные блюда сменяли одно другое. За поросенком последовали рябчики, за рябчиками – котлеты. Жирную и обильную закуску запивали шампанским, лившимся в бокалы без меры. А потом женщины, разгоряченные наркоти-

ком и спиртным, выскочили на середину зала и принялись лихо отплясывать под музыку.

Компания веселилась и гуляла до утра. Когда забрезжил рассвет и официанты стали намекать, что время веселья вышло, Тарновский попытался встать из-за стола, но непослушные ноги подкосились, и он рухнул на пол.

Волохов дернулся, чтобы приподнять его, но ничего не получилось – приятель лег рядышком. Прибежавшие официанты кое-как привели Василия в чувство, и он, протирая глаза, признался:

– Ничего не вижу. Все плывет. Не дойду до экипажа. Петр, ты здесь?

Волохов кивнул и икнул. Его состояние тоже оставляло желать лучшего. Тарновский вытащил из кармана бумажник и протянул ему:

– Возьми все кредитки и раскидай их по пути к экипажу. По ним я найду дорогу.

Петр снова икнул, заставил себя встать и, сунув руку в карман пиджака Тарновского, достал изрядно похудевший бумажник.

Его нисколько не удивила просьба приятеля, он подумал лишь о том, хватит ли банковских билетов, и, зачерпнув горсть кредиток, кинул их на пол. Ценные бумажки плавно спикировали на красный ковер.

Василий заморгал, поднялся и, пошатываясь, хватаясь за столы, сделал несколько нетвердых шагов, замахал руками,

словно ветряная мельница, но удержался.

Женщины рассмеялись, выхватили бумажник из слабых рук Волохова и бросились к выходу, раскидывая купюры. Василий не ошибся: деньги помогли ему найти дорогу.

Наступив на последний банковский билет, он рухнул в экипаж, и Мария, никогда еще не чувствовавшая себя так хорошо, крикнула извозчику:

– В «Шмидт-Англию».

Возница кивнул и хлестнул лошадей. Кони понеслись по пустым улицам Петербурга. По тротуарам шли редкие прохожие, из тех бедняг, которым приходилось рано вставать, чтобы заработать на кусок хлеба. Некоторые лавочки уже открывались, и их владельцы заботливо протирали стекла окон, слегка орошенные утренним мелким дождиком.

Когда они доехали, Мария помогла слугам дотащить храпевшего Василия до номера, а потом, умывшись, разделась и с удовольствием залезла под пуховое одеяло.

Она проспала около часа. Женщину разбудил какой-то толчок, словно кто-то ударил ее по бедру, намереваясь сбросить с нагретой постели.

Проснувшись, она рассеянно заморгала, будто соображая, где находится, села на кровати и вдруг, почувствовав сильную тошноту, закрыла рукой рот и побежала в уборную.

Тело сотрясали рвотные спазмы. Сердце колотилось в груди как пойманная бабочка, грозя пробить ребра и вылететь наружу.

Мария открыла кран и с жадностью припала к холодной свежей струе. Лоб горел, пламень бушевал во всем теле, и молодая женщина поняла, что у нее жар.

Дрожа от озноба, она добралась до кровати и юркнула в спасительное тепло, но толстое одеяло уже не согревало.

Васюк по-прежнему храпел. Она попыталась разбудить его, однако вскоре поняла, что это бесполезно.

Ставив с мужа одеяло, Мария накрылась и им, надеясь унять дрожь. Она старалась успокоиться, но вскоре снова побежала в уборную.

Шикарный ужин не пошел на пользу. Спазмы продолжали мучить ее даже тогда, когда в желудке ничего не осталось.

Ей захотелось упасть на холодный кафельный пол уборной и зарыдать, забиться в истерике.

«Это все проклятый наркотик, – решила Тарновская. – Зачем я только приняла его? Ради нескольких часов веселья? Нет, овчинка не стоит выделки. Больше никогда».

Глава 11

Киев, 1897 г.

Мария и Дарья сидели в кондитерской – элитном кафе, сумевшем, как и многие заведения подобного рода, вобрать в себя и классическую европейскую кондитерскую, и восточную кофейню – и лакомились пирожными с заварным кремом, запивая их крепким кофе со сливками.

Цены здесь были отнюдь не низкими, как в хорошем ресторане, но это женщин не останавливало. Впрочем, дорогие кофейни мало чем отличались от ресторанов. Здесь можно было не только полакомиться сладостями, но и отдохнуть. Мягкая уютная мебель, зеленые растения с глянцевыми листьями и сочными стеблями, прекрасная бильярдная, буфет на втором этаже – все располагало к хорошему времяпрепровождению. В дневное и вечернее время здесь обычно толпились посетители, игравшие не только в бильярд, но и в шахматы.

Мария обожала подобные места. Кутеж в питерском ресторане Бореля не стал для четы Тарновских последним, как и проба кокаина.

– Хорошо вчера погуляли. – Дарья жевала пирожное как

простолюдинка, без всякого изящества. – Но мне понравилась только клубника. Остальное, согласитесь, было пресным.

Мария улыбнулась.

– Клубника вне всяких похвал, – подтвердила она.

Дарья улыбнулась:

– Знаете что? Приходите к нам с Васюком ближе к вечеру.

Тарновская хотела отказать, но передумала. Что толку сидеть дома, если можно повеселиться?

– Хорошо, я скажу Василию.

– Прекрасно. – Дарья запихнула в рот остатки пирожного и глотнула остывший кофе. – Мы вас ждем. Я припасла несколько ампул с морфином. А еще у меня есть ваш любимый абсент, настоящий на полыни.

Мария удовлетворенно улыбнулась: она действительно обожала этот напиток.

– Я думаю, Василий мне не откажет, – проговорила она.

Дарья закатила глаза:

– Как можно! Он без ума от вас! В наше время редко встретишь такую любовь. Не каждый решится на тайное венчание.

– Это верно. – Мария подумала, что ей действительно повезло в жизни.

Васюк оказался плотиком, который не дал ей утонуть в море жизни. Что было бы, если бы она его не встретила? Скорее всего, работала бы домашней учительницей, грызя гра-

нит науки с богатыми бездельниками. Васюк бросил к ее ногам свои миллионы и открыл ей новый мир. Они объездили все модные курорты России и Европы и всюду сорили деньгами, ни в чем себе не отказывая. Тарновская по-прежнему щеголяла в самых дорогих нарядах. Васюк по-прежнему прокладывал себе путь к экипажам по кредиткам и по-прежнему заказывал шампанское ящиками. Деньги не уменьшались: пока бабушка мужа, благословившая их на брак, ведала делами семьи и цепко держала все в маленьких ручках, им было не о чем беспокоиться.

– Так что, решено? – Волохова схватила Тарновскую за руку и потрясла ее. – Мы вас ждем?

– Да, – кивнула Мария, – мы придем.

Глава 12

Приморск, наши дни

После того что случилось на пляже, я боялся идти на работу, ожидая самого страшного.

Поступок Надежды можно было объяснить: она страдала от одиночества, ей подвернулся красивый молодой человек, выпитое вино сделало храброй – и она отдалась прямо в море.

В роман между начальницей и подчиненным такого уровня я не верил. А зря.

Безликая секретарша, опять одетая черт знает во что, сообщила, что Надежда хочет меня видеть.

Я мельком взглянул в монитор компьютера, как в зеркало, и отправился к ней.

«Наверное, она скажет, что все это произошло случайно, чтобы я не придавал этому значения, а потом уволит меня, дабы не видеть в банке человека, напоминавшего о ее падении», – подумал я, открывая дверь в ее кабинет.

Надежда сидела за столом, бледная, но похорошевшая.

У меня мелькнула мысль, что она приложила немало усилий и с раннего утра побежала к стилисту, чтобы хорошо

выглядеть. Забавные кудряшки придавали объем ее худому лицу, и крупный нос не бросался в глаза. Губы и глаза были умело подкрашены.

– Здравс... Здравствуйте... – пролепетал я. – Как вы...

Она встала, подошла ко мне и обняла.

– Вчера я провела незабываемый вечер. А ты?

Я оторопел. Мне показалось, что я ослышался.

– Разумеется, этот вечер был выше всяких похвал.

– Тогда повторим. – Женщина оторвалась от меня и направилась к столу. – Я заказала беседку в ресторане «Орлиное гнездо». Тебе там нравится?

Я поспешил заверить ее, что мечтал об этом.

Надежда обрадовалась как ребенок.

– Иди поработай. Я не хочу, чтобы о нас сплетничали.

Я вернулся на место, но работать не смог. Мысли роились в моей голове как пчелы.

Надежда не привлекала меня как женщина – ну нисколько. Никакая косметика и никакой кутюрье не смогли бы сделать ее привлекательной. Да что там...

Меня не привлекали даже ее деньги. Мысли о сексе с такой дамой вызывали отвращение и желание убежать на край света.

И тем не менее я знал, что поеду с ней в ресторан и сделаю все, что она захочет.

Вряд ли она захочет, чтобы я на ней женился, скорее всего, она желала немного поразвлечься с красивым и умным

молодым мужиком. Что ж, Грымза все получит. Можно пофлиртовать с ней, выплатить кредит и скрыться в неизвестном направлении.

Клянусь, тогда я так и думал, но Надежда, к моему удивлению, думала иначе. После ресторана она повезла меня к себе...

Меня коробило от мысли, что с ней придется делить постель – к этому все шло. Лучше бы начальница пригласила меня в кино на последний ряд: можно было заpastись попкорном и целоваться через пень-колоду. Я умолял высшие силы, чтобы все закончилось так называемой светской беседой, но Грымза притянула меня к себе и принялась расстегивать мою рубашку. Я покорился участи, размышляя, что ночью все кошки серы, но вскоре убедился: это не так. Меня тошнило от отвращения, но... В ту ночь я сделал ей предложение, думая, что она откажет. У нее уже были мужчины, что называется, без кола без двора.

Однако все случилось именно как в плохом сериале. Надежда согласилась.

Когда я заикнулся, что, по сравнению с ней, просто пустое место, она закрыла мне рот рукой и проговорила:

– Ты имеешь образование. Ты умен. О тебе хорошо отзываются. Твоя жизнь сложилась так, что ты не смог заработать много денег. Но, я уверена, теперь ты это сделаешь. А еще ты чертовски красив.

Все во мне противилось этому браку. За день до свадьбы

я думал послать все к черту и сбежать, но не решился.

После свадьбы я переехал в ее огромную квартиру, такую огромную, что я потерял дар речи. Она назначила меня начальником отдела, выплатила мой кредит и отправила маму в хороший санаторий на реабилитацию. Моей бывшей жене, дабы нечасто меня беспокоила, было выделено приличное содержание.

Казалось, жизнь повернулась ко мне радужной стороной, но это только казалось.

На второй день свадьбы Надежда и вытащила из футляра эту проклятую диадему – лучше бы ее никогда не было!

– Когда-то эта драгоценность принадлежала знаменитой мошеннице Марии Тарновской, – пояснила она. – Ты что-нибудь слышал о ней?

Я покачал головой:

– Нет, к сожалению. Или к счастью.

– О, это очень интересная личность. – Надежда закрыла глаза. – Она повелевала мужчинами как хотела. До сих пор никому не удалось разгадать секрет ее обаяния. Самые умные и богатые готовы были бросить к ее ногам все, и Мария этим пользовалась. Она заставляла их страховать свою жизнь в свою пользу, а потом любовники либо кончали жизнь самоубийством, либо умирали при загадочных обстоятельствах.

– Очень интересная особа. – Я присвистнул от восторга. – И как долго ей удавалось прокручивать свои делишки?

– До тысяча девятьсот седьмого года. – Жена развела руками. – Ей просто не повезло. Они с неким Прилуковым допустили много ошибок, пытаюсь организовать убийство графа Комаровского. Судьи не обратили внимания на ее чары и приговорили к восьми годам.

– Не думал, что ты восхищаешься мошенницами, – проговорил я, с удивлением глядя на Надежду.

– Она необыкновенная женщина. – Супруга улыбнулась. – Кроме того, талантливая поэтесса. Игорь Северянин посвятил ей сонет. Хочешь прочитаю?

– Ты любишь стихи? – поинтересовался я саркастиче-ски. – Вот уж не думал.

Она обиженно надула губы:

– Если я владею банком, это не значит, что я не люблю поэзию. Что же касается сонета, я выучила его, когда купила диадему. Мне показалось: раз теперь у меня украшение та-кой необычной женщины, я должна знать о ней все.

– Что ж, почитай. – Я устроился поудобнее.

Надежда снова закрыла глаза и начала:

– По подвигам, по рыцарским сердцам
Змея, голубка, кошечка, романтик,
Она томилась с детства. В преискуранте
Стереотипов нет ее мечтам
Названья и цены. К ее устам
Льнут ровные «заставки». Но – отстаньте —
Вот как-то не оказалось. В бриллианте

Есть место электрическим огням.
О, внешний сверк на хрупости мизинца!
Ты не привлек властительного принца.
Поработитель медлил. И змея
В романтика и кошечку с голубкой
Вонзала жало. Расцвела преступкой.
От электрических ядов – не моя! —
Тарновская.

Надо признаться, стихотворение не произвело на меня большого впечатления. Я вообще не знал и поэтому не любил Серебряный век. Он ассоциировался у меня с картиной Малевича «Черный квадрат», которую я никак не назову шедевральной.

– Ну, как тебе? – спросила меня Надежда, и я поспешил похвалить ее чтение.

Она действительно прочитала стихотворение очень даже неплохо. Конечно, можно было добавить больше артистизма, но не всякому это дано.

– Как у тебя оказалась ее диадема? – поинтересовался я. – Она что, очень ценная?

– Стоит баснословных денег, – пояснила жена не без гордости. – Эта диадема принадлежала шотландскому королевскому роду – предкам Марии. Остается только гадать, почему она ее продала. Наверное, понадобились деньги.

Я взял сокровище в руки и принялся рассматривать, но без интереса. Женские безделушки меня никогда не волно-

вали.

– Ты не представляешь, сколько она стоит, – с придыханием сказала Надежда и спрятала ее в футляр. – Коллекционер предлагал мне миллион долларов. Это старинное украшение знатного английского рода.

– Миллион долларов? – удивился я. – Почему бы тебе не продать ее?

– Мне она нравится, – усмехнулась женщина. – Да, просто нравится. Деньги у меня есть. Зачем же продавать?

Клянусь, я тогда ни о чем таком не подумал.

Глава 13

Киев, 1897 г.

Большой дом семьи Волоховых не привлекал внимания архитектурным стилем, скорее всего, дед Петра, богатый купец, возводя свои хоромы, вовсе не думал о каких-либо изысках. Практичный во всем, он построил удобный трехэтажный каменный особняк, доставшийся по наследству старшему внуку.

Петр так же бездумно проматывал дедовское состояние, как и его приятель Василий. Они с женой любили шумные компании, когда беспутные отпрыски богатых семей собирались вместе, формально – чтобы обсудить новый модный роман, на самом деле – чтобы выпить и испытать все возможные наслаждения благодаря наркотикам. Этот вечер не стал исключением. Тарновские немного задержались и, когда вошли в гостиную, увидели, что гости уже изрядно пьяны.

Дарья Волохова, покрасневшая от выпитого вина, подскочила к чете и, взяв Марию и Василия под руки, повела к столу. Закусок почти не было, зато обилие спиртных напитков поражало и будоражило.

Не дожидаясь приглашения хозяйки, Василий налил себе

полную рюмку водки и, крякнув, выпил.

Дарья извлекла из груды бутылок одну, зеленоватую и пузатую, и протянула Марии вместе с бокалом:

– Это ваш любимый абсент. Угощайтесь.

Тарновская не заставила себя упрашивать. Этот напиток всегда улучшал настроение, наполнял энергией, будоражил кровь. Она быстро опьянела и уснула на мягком диване. Кажется, кто-то пытался ее разбудить, но ему это не удалось.

Женщина проснулась, когда за окном уже брезжил рассвет, и с изумлением увидела, что лежит на диване голая. Скомканное платье валялось рядом на полу как ненужная тряпка. Рядом с ним храпел какой-то молодой человек в одних трусах. Незнакомый лысоватый господин, раскинув руки, примостился прямо на ковре, и его розовая обнаженная грудь, покрытая редкими черными волосами, будто отсвечивала в тусклых лучах солнца.

Мария приподнялась, закрываясь покрывалом. Василий, тоже полураздетый, спал в обнимку с какой-то блондинкой.

Остатки еды на столе, свидетельствовавшие об обильном застолье, вызвали тошноту. Женщину вырвало прямо на пол, и она, лихорадочно вытирая подбородок, вскочила, натягивая платье.

От резких, торопливых движений оборвались крючки и запрыгали на полу. Сорвав со стула чей-то платок, она бросилась к мужу и принялась расталкивать его:

– Васюк, просыпайся. Пойдем отсюда.

Василий открыл голубые глаза, растерянно заморгал и пробормотал:

– Я хочу спать. Оставьте меня в покое.

Осознав, что наркотический сон может быть тяжелым, Мария оставила мужа в покое, как он и просил, кутаясь в платок – проклятый озноб не проходил, терзая измученное тело, – подошла к входной двери и распахнула ее.

Свежий воздух принес облегчение, и женщина, стараясь не привлекать взглядов прохожих, торопливо пошла домой.

Дома она велела служанке набрать ванну и категорически отказалась от завтрака.

Тошнота усилилась. Тарновскую снова вырвало, на этот раз желчью. Рвотные спазмы вызывало само упоминание о еде. Даже запах кофе, который сварила служанка, так, на всякий случай, заставлял ее содрогаться.

Приняв ванну, Мария легла в постель и постаралась заснуть. В голове вертелись обрывки популярных песен, руки и ноги тряслись противной мелкой дрожью.

«Надо выпить хотя бы чаю, – подумала женщина. – Может быть, мне полегчает. Это, наверное, от наркотика».

Приподнявшись, Мария хотела позвать служанку, но не смогла: ее вырвало прямо на простыни. Тарновскую охватил леденящий страх.

«Наверное, я заболела, – пронеслось в голове. – Если завтра не станет лучше, надо сходить к доктору».

Крикнув служанку и приказав поменять простыни, Тар-

новская переместилась в кресло и, подперев руками голову, стала смотреть в окно, на изумрудную зелень палисадника.

В тот день ей так и не удалось почувствовать себя хорошо.

Глава 14

Киев, 1897 г.

– Ну что ж, милочка. – Седоватый доктор, вечно неряшливо одетый, с крошками хлеба в густых сивых усах, улыбнулся женщине. – Поздравляю. Вы станете матерью.

Марию словно ударили током.

– Как? Какой матерью? Что вы говорите?

– Разве нужно объяснять? – удивился врач, садясь за стол и придвигая к себе чистый лист бумаги. – Вы беременны, милочка. Представляю, как обрадуется Василий Васильевич.

Мария провела рукой по покрасневшему лицу:

– Он не обрадуется. – Она покачала головой. – Мы слишком молоды, чтобы иметь ребенка. – Тарновская вдруг опустилась на колени и застучала кулачками по его ногам: – Доктор, я должна избавиться от него. И чем скорее, тем лучше.

Жилистая, в старческих пятнах рука врача потянулась к стакану с холодным чаем.

– Милочка, я не ослышался?

– Нет, не ослышались. – Мария вздохнула и дернулась. – Мне не нужен ребенок. Вы должны нам помочь.

Врач сделал глоток и так резко поставил стакан на стол,

что желтоватая жидкость выплеснулась на бумаги. Он поморщился и вытер пятно несвежим платком.

– Такое бывает, милочка. Многие женщины не осознают радость материнства, пока не родят. Как вы знаете, аборт запрещены. Но если бы их и разрешили, я все равно не стал бы делать. Это противоестественно. Кроме того, я верующий человек и никогда не совершу ничего такого, что было бы не угодно Богу.

Мария тяжело поднялась и погладила его нервно вздрагивавшее плечо:

– А если я заплачу вам?

Он грустно усмехнулся:

– Это ничего не изменит. Мой вам совет – идите домой и расскажите обо всем мужу. Уверен, Василий Васильевич обрадуется наследнику.

Тарновская нервно хрустнула пальцами:

– Доктор, а если женщине нельзя рожать по медицинским показаниям?

Врач прищурился:

– Но, как известно, вы не страдаете тяжелыми заболеваниями? Сердечко у вас здоровое.

Мария усмехнулась:

– Разве только в этом дело? Что вы скажете, если узнаете, что будущая мать принимает наркотики?

Мужчина растерянно провел рукой по седым волосам:

– Вы принимаете наркотики? Но какие?

Она придвинулась к нему:

– Могу ли я надеяться, что это останется между нами?

Он закивал как китайский болванчик:

– Конечно. Но, поймите, я должен знать...

– А зачем вам это знать? – усмехнулась женщина. – Достаточно моего признания. Так да или нет?

Врач покраснел, потом побледнел:

– Если вы опять намекаете... Я опять вам отвечу «нет». Разве вы не знаете, что аборт приравнивается к умышленному детоубийству, а наказанию подвергаются как врач, так и женщина? Меня сошлют в Сибирь, возможно на десять лет, вас отправят в исправительное учреждение на шесть.

Она дотронулась до его плеча:

– Если узнают, правда?

От ее прикосновения доктор дернулся, как от укуса ядовитого насекомого, и вскочил в негодовании:

– Нет, нет и нет! Если хотите, поищите кого-нибудь другого. А сейчас, – он кивнул на дверь, – прошу прощения. Меня ждут больные.

Мария гордо вскинула голову:

– Как хотите... Учтите, доктор, если вы кому-нибудь расскажете о нашем разговоре. – Ее голубые глаза недобро блеснули.

Мужчине стало не по себе, и он замахал руками:

– Я никому ничего не скажу, а вы идите и подумайте. Я надеюсь, что вы примете единственно правильное решение.

Тарновская вышла, громко хлопнув дверью. На ее губах играла улыбка, но в душе скребли кошки. Она мучительно искала выход из сложившейся ситуации и, к сожалению, не находила. Ребенок не должен был появляться на свет ни в коем случае. Ей одной не под силу решить такую задачу. Может быть, Василий что-нибудь придумает?

Выйдя на улицу, она наняла экипаж и поехала домой.

* * *

На удивление Марии, Василий выслушал ее совершенно спокойно. Он нежно обнял жену и прижал к широкой груди.

– Мои родители будут рады наследнику, Мара. Ты родишь этого ребенка.

Женщина жалобно посмотрела на мужа:

– Но, Васюк, что, если он родится больным? Я, конечно, была полной дурой, когда после первого укола морфином продолжила колоться. Но я даже не подумала о том, что могу забеременеть. Прости меня, пожалуйста.

Василий улыбнулся:

– Наверное, мы еще очень молоды, Мара. Молоды и беспечны. Ребенок заставит нас о многом задуматься и серьезнее относиться к жизни. – Он цокнул языком: – А как обрадуется бабушка!

Мария почувствовала, как увлажнились глаза. Как она любила Василия в ту минуту, как радовалась, что именно он

стал ее супругом!

– Да, у нас все будет хорошо, – пробормотала женщина, не в силах оторваться от теплой груди. – Я была глупышкой, когда усомнилась в этом.

Глава 15

Приморск, наши дни

Да, жизнь повернулась ко мне радужной стороной, только вот мое настроение вовсе не было радужным.

Через неделю я завыл. Тем, кто назовет меня дураком и скажет, что ради больших денег все можно вытерпеть, я расхохочусь в лицо. Трудно спать с женщиной, если ты не чувствуешь к ней любви. Если ты вообще к ней ничего не чувствуешь, и к тому же она страшна как смертный грех.

Пословица про кошек соврала, не все они, к сожалению, серы ночью.

Через неделю Надежда стала меня раздражать. Я придумывал различные отговорки, чтобы не ложиться с ней в постель, и она верила и не верила.

Я злился на нее, на себя и на судьбу. Казалось, жизнь сделала меня товаром, который купили за хорошие деньги, и я хотел отомстить ей за это. Жизни то есть.

Поэтому, когда Надежда отправила меня в командировку, я отключил телефон, зашел в дешевый бар и снял самую грязную проститутку, чтобы бросить вызов проклятой жизни и жене, олицетворявшей эту проклятую жизнь.

Однако мой поступок не принес облегчения.

Я возвратился к Надежде и стал исполнять супружеский долг, передергиваясь от отвращения и стараясь не выказать своего отношения к Грымзе.

Говорят, что женщины очень хорошо чувствуют, когда становятся безразличными мужу. Вероятно, Надежда что-то почувствовала, потому что принялась следить за мной. Если я не был на работе, она звонила мне через каждые десять минут, требуя полного отчета, где я и что делаю. В конце концов, я ее возненавидел так, что готов был убить.

Однажды после работы, выскользнув из здания банка раньше жены, я выключил телефон и зашел в кафе. Официант принес мне бутылку водки без закуски, и, пропустив стакан, я принялся думать, как быть дальше. Жена стала мне настолько противна, что притворяться было самой настоящей пыткой.

Развод тоже не входил в мои планы. Надежда была мстительной и могла сделать меня изгоем. Ни один приличный банк никогда бы не взял меня на работу.

После первого стакана по жилам разлилось тепло, и мысли запрыгали как скакуны, подсказав неожиданный выход. Нужно завести любовницу, довольно привлекательную девушку, чтобы она вносила радость в мою нелегкую жизнь. Конечно, скрываться от Надежды – дело нелегкое, но можно постараться.

В тот вечер я явился домой в приподнятом настроении.

Надежда, заметив, что я пьяный, сделала пару замечаний, но не слишком усердствовала. До меня вдруг дошло, что жена боится потерять меня.

– Да не кипятись ты, – сказал я ей примирительно. – Мужчине иногда нужно расслабиться. Не могу же я все время бегать как привязанный.

Она быстро сдалась:

– Ну хорошо. Только зачем ты выключил телефон?

– Ты не дала бы мне посидеть в одиночестве, – заметил я. – А теперь, извини, я хочу спать.

Мысль о том, что придется делить с ней ложе, приводила в бешенство.

Она опустила руки:

– Я думала...

– Я тоже иногда думаю. – Подмигнув ей, я прошествовал в спальню и упал на широкую супружескую кровать не раздеваясь. Через две минуты я уже храпел.

Глава 16

Киев, 1897 г.

Узнав о своей беременности, Мария больше не колола морфин, несмотря на заверения Дарьи, что он совершенно безопасен для будущего ребенка.

Тарновская попробовала отказаться от кокаина и абсента, но это у нее почти не получилось. Иногда ей удавалось заставить себя не вдыхать белый едкий порошок и не опрокидывать рюмку спиртного, но это бывало редко. Беременность не сделала ее домоседкой, и она по-прежнему развлекалась в ресторанах со своим мужем.

Однажды, после вальсирования с одним из дворянских отпрысков, она почувствовала себя плохо. Тягучая боль внизу живота заставила ее переломиться пополам и застонать.

Опираясь на руку кавалера, Мария подошла к столику и прошептала Василию:

– Кажется, я рожаяю.

Супруг растерянно заморгал: он понятия не имел, что нужно делать в таких случаях.

– Я позову официанта.

Мария вскрикнула от раздирающей боли:

– Идиот! Мне нужно врача!

Васюк вытащил золотые часы на толстой цепи и посмотрел на циферблат:

– Час ночи, Мара. Тебя не примет ни один врач.

Его спокойствие и бездействие бесили, и она чуть не отвесила ему пощечину.

– Тогда нанимай экипаж и вези в больницу.

Василий посмотрел по сторонам, словно собираясь оставить экипаж в зале ресторана, и хрустнул пальцами. Новость будто парализовала его, лишила способности двигаться.

Мария, положив голову на уставленный тарелками стол, громко стонала, уже никого не стесняясь.

Дарья подбежала к подруге:

– Что? Началось? Не бойся, все будет хорошо.

Тарновская обеими руками стискивала живот, как будто собираясь помешать ребенку появиться на свет.

– Мне кажется, я рожу здесь и сейчас.

Какая-то жидкость потекла по ее ногам, образовав темную лужицу на паркете.

Дарья приложила палец к губам:

– Боже мой! Потерпи, я сейчас.

Оттолкнув Васюка, по-прежнему находившегося в ступоре, она бросилась к управляющему с криком:

– Моя подруга рождает!

Управляющий, степенный господин в светлом костюме и

очках в золотой оправе, удивленно посмотрел на молодую женщину:

– Кто рожает?

– Мария Тарновская. – Губы Волоховой тряслись. – Нужно срочно что-то делать!

– Ведите ее в мой кабинет, – распорядился мужчина. – А я найму экипаж. Ее нужно к врачу.

Васюк и Дарья схватили роженицу под руки и поволокли в кабинет управляющего. Она уже не стонала, а кричала: внутренности раздирала острая боль.

В кабинете женщина легла на диван с кожаной черной обивкой.

– Прикажите официантам, чтобы принесли чистые полотенца и нагрели воды! – приказала Дарья, глядя горячий потный лоб подруги. – Мы можем не довести ее.

Управляющий затряс головой:

– Вы хотите сказать, что она будет рожать здесь?

– Именно это я и хочу сказать, – буркнула Дарья, помогая Тарновской, почти потерявшей сознание от боли, снять чулки. – И наша с вами задача – помочь ей.

– Но я никогда... – начал было мужчина, но осекся, посмотрев в холодные глаза Дарьи. – Хорошо, сейчас все сделают.

Волохова наклонилась над Марией:

– Потерпи немного, дорогая. Когда принесут чистые полотенца, начинай тужиться. Тужься как можно сильнее!

Мария не могла открыть глаза. Кроме боли, ее охватил леденящий страх за себя, не за ребенка. Здесь, в кабинете, она могла истечь кровью...

Бледный молодой официант принес горячую воду и чистые полотенца.

Дарья ловко застелила диван и крикнула в ухо Марии:

– Тужься что есть силы!

Тарновская закрыла глаза, зажмурилась и выполнила просьбу подруги. Острая боль продолжала раздирать внутренности.

Волохова, вытирая капли пота чистым полотенцем, склонилась над роженицей:

– Давай, дорогая. Осталось немного. Ну!

Мария снова зажмурилась. Что-то будто выскользнуло из ее чрева, и раздался писк, словно где-то плакал котенок.

Она открыла глаза. Дарья держала на руках какой-то красный сморщенный комочек:

– Сын у вас с Василием! Мальчик!

Мария вздохнула и улыбнулась. Супруг, которому Волохова разрешила зайти в кабинет, вытирал ей лицо влажным платком:

– Слава Господу! Все хорошо закончилось!

– Как назовете мальчика? – деловито осведомилась Дарья.

– У нас в роду Тарновских все Василии, – отозвался молодой отец, пунцовый от гордости. – Этот герой тоже будет Василием.

Мария ничего не ответила. Сейчас ей было все равно, как ее супруг решит назвать ребенка. Главное – она выдержала, справилась.

Молодая женщина впала в забытие, слышала, но почти не понимала, о чем говорят Дарья и Василий.

– Кровотечение у нее, – шептала Волохова. – Врача нужно, и как можно скорее.

Тарновский забежал по кабинету, как потерявшая след собачонка.

Когда привезли доктора, Мария, будто во сне, услышала его глуховатый голос:

– Организм молодой, сильный, – убеждал супруга пожилой врач. – Все будет хорошо, поверьте мне.

Тарновская попыталась улыбнуться и потеряла сознание.

Глава 17

Киев, 1898 г.

– Я говорила вам, Зиночка, что Танюшу следовало сегодня пораньше уложить спать. – Мария, оторвавшись от чтения модного романа, напутствовала молоденькую гувернантку. – Васеньку желательно одеть потеплее, когда поведете его в сад. Сегодня на улице довольно прохладно. Эти ясные майские дни такие коварные.

Высокая стройная Зиночка, лицо которой с правильными и одухотворенными чертами лица чем-то напоминало картины Боттичелли, слушала ее с вниманием, наклоня голову в знак согласия.

Тарновская, глядя на красивую девушку, с удовольствием сыпала приказаниями, думая о том, как плохо родиться в бедной, пусть и благородной семье. Отец этой самой Зиночки, несмотря на дворянское происхождение, служил простым чиновником. Девушка окончила пансион благородных девиц и смогла устроиться разве что гувернанткой в богатую семью. Когда-то Мария избежала ее участи – Василий подвернулся как нельзя кстати. И вот теперь она не домашняя учительница, а солидная богатая дама с двумя детьми (дочь

Татьяна родилась через год после Василия) и фамилией, известной всему Киеву.

– Слушаюсь, Мария Николаевна. – Зиночка сделала реверанс и поторопилась в детскую.

У выхода она почти столкнулась с бледным Василием, который, впрочем, не без восхищения проводил ее глазами. Это не осталось незамеченным.

– Я давно знаю, что эта девушка пришлась тебе по нраву. – Тарновская положила книгу на стол и весело улыбнулась. – Что ж, одобряю твой вкус. Она прехорошенькая.

Супруг скривился:

– Может быть, она и хорошенькая, как ты изволила выразиться, но скоро ей придется отказать от дома. Тебе известно, что со смертью моей бабушки наши доходы значительно упали. Бабушка не зря считала, что мой папа не способен вести дела. И вот результат. Он почти разорен.

Мария растерянно заморгала:

– Разорен? Что ты такое говоришь? Наверняка это временные трудности. Ты же, как всегда, паникуешь без всякой причины.

– Без всякой? – Василий побагровел. – Тогда прочти это. – Он бросил на стол распечатанное письмо.

Женщина аккуратно взяла его и раскрыла. Размашистый, небрежный почерк свекра она узнала сразу.

Василий Тарновский-старший писал, что после смерти Людмилы Николаевны ему так и не удалось наладить дела

в имениях. Ситуацию осложняло и увольнение многих ценных работников, которые не захотели подчиняться другому хозяину.

«К сожалению, сын мой, тебе придется поработать, если ты хочешь продолжать такую же роскошную жизнь, – при чтении этой фразы Мария поморщилась. – А если нет, придется ту же затянуть пояса. Я думал, что оставляю вам с Петром и Софией приличное наследство, но... Буду стараться, чтобы вы не получили гроши, которые при разделе имущества станут лишь каплей в море».

Тарновская бросила письмо на стол и поджала губы.

– Твоей сестре Софии нужно приданое, это понятно. Но меня бесит, что твой никчемный братец тоже претендует на наследство. – Она отвернулась к окну.

Василий удивленно поднял темные брови.

– Что ж тут странного, Мара? Он такой же сын своего отца, как и я. Хочешь не хочешь – придется делиться.

Супруга так сжала кулачки, что хрустнули пальцы.

– Твоя любимая бабушка почему-то не сделала тебя единственным наследником, – буркнула она.

– А как бы она это сделала? – изумился Тарновский и посмотрел на часы. Этот разговор начинал его тяготить. – Мне пора, дорогая. Я обещал сегодня встретиться с одним человеком.

– Догадываюсь, что это за человек. – Мария подняла глаза на мужа. – Думаешь, мне ничего не известно о твоих похож-

дениях? Как только я забеременела Танюшей, ты пустился во все тяжкие.

Он равнодушно пожал плечами:

– Думай, как тебе хочется. В конце концов, Мара, ты становишься невыносимой.

Не попрощавшись с женой, он вышел из комнаты, и Мария дала волю гневу. Она дернула бархатную малиновую скатерть, и со стола полетели фарфоровые блюдца и чашки.

Тарновская с каким-то наслаждением смотрела, как они разлетались на мелкие кусочки, лишь коснувшись пола, и думала, что это напоминает ее семейную жизнь.

Она слышала пословицу про разбитую чашку, которую уже не склеишь. Как же верно сказано, как верно! Ее отношения с мужем никогда не станут прежними.

Легкомыслие Василия, привычка не думать о завтрашнем дне сейчас проявлялись в полной мере. Они были на грани разорения, а он бежал к очередной любовнице, нисколько не беспокоясь о том, что, может быть, завтра его детям будет нечего есть.

Черт возьми, а ее родители оказались правы, так и не захотев распахнуть объятия беспутному зятю.

Вспомнив о матери, Мария встала и подошла к туалетному столику, на котором в футляре покоилась диадема. Тонкими пальчиками она откинула крышку, достала украшение и примерила. В солнечном свете бриллианты заиграли, их отблески рассыпались по комнате разноцветной мозаикой, и

Тарновская, взглянув на себя в зеркало, с изумлением увидела не замученную женщину, мать двоих маленьких детей, а высокую рыжеволосую красавицу, которой так восхищались мужчины.

Она чуть приоткрыла полные губы, словно призывая невидимого кавалера поцеловать их, и топнула ногой.

Решение вопроса о наследстве так неожиданно пришло в голову, что она вздрогнула, вздрогнула от внезапности, а не от осознания того, что собиралась сделать.

Последствия ее нисколько не пугали. Мария помнила: для достижения цели хороши все средства.

Глава 18

Приморск, наши дни

Вечернее времяпрепровождение в баре мне безумно понравилось. Я отыскал то, что требовалось моей измученной душе, и стал ходить туда каждый день, возвращался выпившим и избегал супружеской близости.

Дней через пять Надежда пригласила меня в кабинет и предложила сесть.

Это меня удивило. Со дня нашей женитьбы она обходилась без церемоний.

– Что случилось, любимая?

Супруга сцепила руки:

– Максим, скажи мне правду, ты женился на моих деньгах? Все слова о большой любви были ложью?

Я открыл рот.

– Да как ты могла...

– Замолчи. – Надежда подошла к окну. Голос ее срывался: – Думаешь, это не видно? Ты испортил мне медовый месяц, если его так можно назвать. Я вчера долго думала и пришла к выводу: нам нужно развестись.

Я похолодел:

– Ты... Ты серьезно?

Она хрустнула пальцами:

– Да, я серьезно. Тебя, как и других, привлекли мои деньги. Но я же не виновата, что мой отец оставил мне такое наследство. А предложение руки и сердца ты делал по собственной воле – никто тебя не насиловал. Если я тебе противна, если ты разочаровался и не в силах сносить мое присутствие, – она взяла мобильный и отвернулась к стене, чтобы я не видел ее покрасневших глаз, – это мы исправим. Я звоню своему адвокату. В нашем браке есть хоть что-то хорошее – ты не претендуешь и на толику моего имущества.

Передо мной, как перед смертью, промелькнула моя прежняя жизнь: нищета, кредит, попытки выкроить копейки на текущие расходы, больная мать.

После развода все это снова упадет на мою шею, включая увольнение с работы и бесконечные скитания в ее поисках. А уж Надежда постарается, чтобы я никогда ничего не нашел. Во всяком случае, в нашем городе.

– Объясни, почему ты разозлилась? – Мне претила мысль, что нужно перед ней унижаться. – Потому что я устал и решил расслабиться в одиночестве? Но если тебе это не понравилось, нужно было сказать.

Она покачала головой:

– Дело не в этом, дело в тебе, Максим. Я не привлекаю тебя как женщина, раздражаю. Меня не устраивает такой брак. Я не затем выходила замуж, чтобы чувствовать себя одино-

кой и нежеланной. Давай поскорее покончим с этим.

Я рванулся к ней и вырвал телефон из ее холодных рук:

– Ты говоришь чушь. Я женился не на твоих деньгах, а на тебе, и я люблю тебя. Мужчине нужно иногда расслабиться. Но если тебя это так задело... Больше такое не повторится.

Говоря эти слова, я ненавидел сам себя. Гораздо честнее было получить развод и вернуться в съемную квартиру, пусть и маленькую. Но я смалодушничал. Надежда взяла на себя все мои проблемы, и возвращаться к ним не хотелось.

Я заключил ее в объятия и, преодолевая злость и отвращение, принялся целовать. К моему удивлению, Надежда быстро сдалась. Как же она устала быть без мужчины!

– Ладно, Максим. – Она отстранила меня и подошла к окну, задумчиво разглядывая улицу. – Я прощаю тебя, потому что люблю. Но если ты меня обманываешь, пожалеешь. Я уничтожу тебя, слышишь?

Я заверил ее, что не глухой. В тот вечер пришлось изображать страстного любовника, и я возненавидел ее еще больше. Мне казалось: если бы кто-то вложил в мою руку пистолет, я бы ее убил.

Глава 19

Имение Тарновских, 1899 г.

Мария сидела за накрытым столом и с неудовольствием слушала причитания свекра и свекрови. Они наперебой жаловались на неурожай в имениях, на кризис, на нехватку рабочей силы.

Молодая женщина смотрела на их озабоченные, осунувшиеся лица, с сочувствием кивала и думала о том, что ей несколько не жаль незадачливых родственников. Она любила сильных. А свекор и свекровь оказались слабыми и никчемными. Подумать только – все держалось на пожилой Людмиле Николаевне. Стоило ей умереть, и пожалуйста – почти полное разорение.

– Два имения заложены и перезаложены, – пояснял Василий-старший. – И что с того? Они почти не приносят денег. Крестьяне не хотят работать. Все эти модные революционные веяния совсем вскружили им голову.

– А что вы делаете, чтобы повысить производительность их труда? – вдруг резко спросила Мария. – Даже мне известно, что сейчас много новой техники. Вы что-нибудь приобрели?

– А на какие деньги я это куплю? – в тон ей ответил Тарновский-старший. – Если вы такая умная, почему бы вам самой не попробовать управлять имением?

– Меня этому не учили, – усмехнулась невестка. – К тому же я воспитываю ваших внуков. А это тоже нелегкое дело.

– Тогда нечего бросаться в меня своими глупыми репликами, – парировал Василий и погладил тараканьи усики. – Или предложите что-нибудь стоящее, или помолчите.

Мария почувствовала, как от гнева запылала щеки. Она прижала руки к горячему лицу и прошептала:

– Боже, как жарко! И какие все глупые!

Гимназист последнего класса Петр Тарновский, брат Василия, сидевший слева от молодой женщины, наклонился к ней и выдохнул в ухо:

– Если отец вас услышит, ему это не понравится.

Мария едва улыбнулась:

– Петр, если вас не затруднит, пройдите со мной по аллее. Мне нужно подышать свежим воздухом, в противном случае я упаду в обморок.

– Почту за честь. – Стройный, темноволосый, он поднялся и протянул ей руку: – Прошу. Папа, мама, мы немного пройдемся. Василий, ты не возражаешь, что я на время украду твою прекрасную жену?

Брат пожал плечами, и на его лице появилось выражение скуки:

– Сделай одолжение.

Мария взяла Петра под руку, и они вышли из дома и направились к аллее. Моросил мелкий дождик, но оба не обращали на него внимания.

Марии стало легче. Капли дождя словно затушили костер в ее душе.

– Я жалею, что так разговаривала с вашим отцом, – начала она. – Он переживает, а я подлила масла в огонь.

Петр вздохнул и дотронулся до румяной розовой щеки.

– Бабушка предупреждала отца, что он разорится после ее смерти, – проговорил он грустно. – Она хотела, чтобы папа поучился у нее управлению, но у отца все не доходили руки. Знаете, когда есть деньги и они не кончаются, не думаешь о печальном. А теперь отец оставляет нас без наследства. Мама вчера призналась мне, что положение очень серьезное.

Мария вскинула голову:

– И вы тоже не знаете, как не допустить разорения?

Он покачал головой:

– Нет, не знаю. К сожалению, папа не учил меня управлять имением, зато хотел получить от меня деньги другим способом – женив на богатой девушке.

Женщина улыбнулась:

– И на ком же, если не секрет?

– Какой же тут секрет! – рассмеялся Петр и пригладил темные волосы, которые, как у мальчишки-озорника, топорщились в разные стороны. – Это Наденька Болховитова, наша соседка.

Мария скорчила смешную гримаску:

– Полненькая? Да бросьте, вы намного интереснее ее...

Мне кажется, она не стоит и вашего мизинца.

Он развел руками:

– Чувствую, мне придется жениться, чтобы спасти семью.

Мария поднесла руку ко лбу:

– Боже мой! Бедный вы, бедный. И какой благородный. Я просто без ума от вас. Ну почему я встретила сначала старшего, а потом младшего брата? В противном случае я обязательно вышла бы за вас. – Она прижалась к нему и прошептала: – Мне холодно.

Он взял ее маленькие руки в свои.

– Действительно, холодные. Может быть, вернемся?

Мария улыбнулась:

– Давайте еще погуляем. Дождик не помеха. Он теплый, уютный и ласковый. – Она немного помолчала и добавила: – Как вы. А еще вы очень умный, Петя. Правда, вам никогда никто не говорил такие слова? Даже ваша обожаемая Наденька...

Петр вздрогнул и посмотрел ей в глаза. Она почувствовала, как молодой человек заволновался, затрепетал, и не удивилась. Не было еще ни одного мужчины, который остался бы равнодушным к ее чарам. А этот желторотый юнец не ведал, что такое любовь настоящей женщины. Он вообще не знал любви.

Она еще сильнее прижалась к нему горячим, страстным,

жаждущим телом, и Петр, ничего не сказав, потянул ее в конец парка, к пруду с множеством укромных уголков.

Глава 20

Приморск, наши дни

Неделю я вел себя как примерный ребенок, который боялся огорчить мамочку: с работы мы ехали вместе, я принес ей чай и нес на руках в спальню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.